

ИВАР РАВИ

ТИТАН НАСЛЕДИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ивар Рави
Титан: Наследие

«Автор»

2024

Ивар Рави

Титан: Наследие / Ивар Рави — «Автор», 2024

Максим Серов, основатель Империи Русов, продолжает борьбу за свое наследие. Потомки нацистов с одной стороны, упертые религиозные фанатики с другой стороны — с кем сразиться раньше, кто из них опаснее? А еще и непонятные выверты времени, что они несут-гибель или помощь в лице старых друзей? Какое Наследие оставит после себя наш герой — добрую память или клубок нерешенных проблем?

© Ивар Рави, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Высшие силы	5
Глава 2. Агентурная сеть	11
Глава 3. Будь ты проклят	17
Глава 4. На Северном фронте без перемен	22
Глава 5. Старый знакомый	27
Глава 6. Ганс Мольтке	33
Глава 7. Император выше короля	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ивар Рави

Титан: Наследие

Глава 1. Высшие силы

После отлета Макса Са прошло несколько дней, когда Тиландер впервые забеспокоился. Всё время, проведенное в этом мире, было неразрывно связано с Максом, ставшим ему не только другом, но и старшим братом. Перед тем как сесть на странный летательный аппарат с названием звездолет, Макс отвел Тиландера в сторону. Герман помнил слово в слово всё, что сказал ему Макс: «Я должен вернуться в это же время. Это будет выглядеть как взлет и посадка с интервалом несколько минут,— может, несколько часов. Максимум – несколько дней, если пилот что-то напутает в своих расчетах. Если я не вернусь сразу – произошло непредвиденное, позаботься о моей семье. Не оставляй их, Герман, присмотри за Михой, особенно за Малом – он горяч и неопытен. Но я вернусь, вернусь, чего бы мне это ни стоило, вопрос – когда смогу это сделать».

Слова Макса Тиландер вспоминал уже восьмой день, задирая голову и вглядываясь в небо. В день отлета друга небо приобрело ярко-красный цвет спустя немного времени после старта звездолета. Русы восприняли это как добрый знак – Главный Дух-Бог приветствовал Великого Духа. Но Тиландер с каждым новым днем отсутствия Макса склонялся к мысли, что произошло нечто ужасное.

Когда прошел месяц после отлета Макса, Герман окончательно уверился – все пошло не по плану. Но Макс столько раз выпутывался из безнадежных положений, что его вера в возвращение друга не угасла.

Уильям Лайтфут словно не замечал отсутствия Макса: погруженный в литье пушек, он практически не появлялся на людях. Первую экспериментальную пушку, стрелявшую трехкилограммовыми ядрами, он отлил спустя всего полтора месяца после отлета Макса. Потом дело пошло быстрее, в течение двух месяцев, Уильям умудрился отлить ещё пятнадцать пушек. После просьб Тиландера отлил пушки поменьше для установки их на корабли. Теперь «Катти Сарк» имела по пушке на носу и корме, ещё по две пушки грозно таращились с бортов.

Первые полгода после отлета Макса жизнь не сильно изменилась: помня просьбу друга, Тиландер постоянно опекал Миху, чья беременная жена вскоре должна была родить. Мал больше был с Бером, проводя всё свое время в казармах. Первой бедой стала смерть младенца Лии, рожденного незадолго до отлета Макса. Лиа вынашивала второго, срок родов – чуть раньше жены Михи. Здоровый мальчик уснул и просто не проснулся – наутро Лиа обнаружила холодный трупик годовалого ребенка. Похоронили малыша недалеко от крепости в специально отведенном месте под будущий фамильный склеп.

Вторым тревожным звоночком стало желание Алолихеп перебраться на Родос вместе с сыном Максхепом. Тиландер попробовал уговорить жену Макса, но женщина была непоколебима.

– Макс Са нет в живых, – уверенно заявила Алолихеп, – а если он жив и вернется, он знает, где меня найти. Он сам подарил мне эти земли.

Все уговоры Германа отложить морское плавание на Родос до весны успеха не возымели: Алолихеп была настойчива. Проклиная женское упрямство, Герман снарядил «Катти Сарк» для зимнего плавания. Его опасения оказались не напрасны: до Родоса они добирались почти два месяца, по неделе пережидая штормы в бухтах.

Родосцы радостно приветствовали Алолихеп и ее сына – больше половины жителей острова раньше жили в Ондоне. "По крайней мере один из наследников Макса – в безопасности", – думал Тиландер, отправляясь в обратный путь.

На третий день плавания повредился руль шхуны: пришлось возвращаться на Родос, чтобы произвести ремонт. В итоге в Макселе Тиландер появился лишь весной: Макс улетел десять месяцев назад.

За время его отсутствия у Михи родился сын, названный Германом в честь друга отца. Тиландер прослезился, узнав, какой чести удостоился. Но его беспокоило состояние Михи – парень сильно похудел, постоянно кашлял. Зик назначал Михе различные настойки, но лучше тому не становилось. За четыре месяца, что Тиландер провел, отвозя Алолихеп на Родос, ситуация сильно изменилась. Во дворце всё чаще решения принимала Сед, взяв на себя бразды правления по хозяйству.

Миха умер первого июня – спустя ровно год после отлета отца. Перед самой смертью он, притянув к себе Германа, прошептал ему на ухо:

– Мой отец жив! Поклянись, что найдешь его. Он нуждается в помощи.

– Клянусь! – Миха улыбнулся в ответ на его слова и сделал последний выдох.

Похоронили его рядом с младенцем Лии – там же, за крепостью. Нел после смерти сына состарилась – часами просиживала в комнате, где умер ее первенец. Она перестала интересоваться делами Русов, полностью отдав Сед управление дворцом. Сед вызывала у Тиландера неприятие, но он всегда помнил, что она – жена Макса. Зачастую ему приходилось менять ее решения, выдерживая истеричные крики.

Через неприятностей преследовала всех, кто был связан с Максом: осенью пропала младшая жена Макса – Лиа. Родив мертвого недоношенного ребенка, Лиа практически перестала разговаривать, редко выходя из своей комнаты. Все поиски пропавшей женщины успехом не увенчались: нашлись люди, видевшие ее идущей к Роне. Пропала одна из лодок-плоскодонков, на которой рыбаки поднимались вверх по реке в поисках рыбы. "Ушла к своему племени; и хорошо, нечего ей делать среди нормальных людей", – вынесла свой вердикт Сед, уже полностью захватившая бразды правления в свои руки.

После смерти Михи Тиландер настаивал на том, чтобы правил Мал, но тот неожиданно воспротивился. Мал готов был отдать власть Урру, но младший брат – ещё совсем подросток. Сед выразила желание, временно, пока не подрастет Урр, выполнять функции Макса. Получив всю полноту власти, эта холодная и расчетливая стерва первым делом выдворила Санчо и его многочисленных жен из дворца. Во дворце ещё оставался Бер со своей женой Зезаги и двумя детьми, но и он покинул его, не ужившись с этой женщиной.

Вскоре к Беру окончательно переехал Мал, захватив младшего брата – в огромном дворце осталась Сед с сыном и охрана.

Всё это время Тиландер неоднократно навещался к Санчо, зная о его ментальной связи с Максом. На все вопросы Санчо отвечал односложно:

– Макш, Ха, – что в переводе означало «с ним всё в порядке».

Вопросы взаимодействия с Берлином, где Пабло проводил серьезные перестановки и изменения, лежали на Тиландере. Он снабдил бывшее поселение Урха пушками, поручив Лайтфуту обучить пушкарей. В чем преуспел Пабло, так это в разведении лошадей. Спустя два года после отлета Макса в Берлине насчитывалось около двадцати голов. В большинстве своем они были низкорослые, но ушлый мексиканец, как его про себя называл Тиландер, обещал провести селекцию, выводя более крепких и высокорослых животных.

Со смертью Нел, недолго пережившей Миху, государство Русов окончательно получило двоевластие: формальная власть была у Сед, но управлял Макселем больше Тиландер.

Шел третий год отсутствия Макса: корабли плавали, Тиландер даже сплавал на Родос, чтобы убедиться, что у Алолихеп и Максхепа все в порядке. Бывшая Ондонская принцесса

сплотила людей вокруг себя. На верфи строился первый корабль, относительно него Герман дал много советов. Вернувшись в Максель, Тиландер решил, что пора готовить Урра для правления Русами. Сед с каждым днем становилась всё сварливее, постоянно ища конфликт.

Существовал ещё один момент, немного удививший Германа: за время его отсутствия Сед снова сдружилась с Санчо. По крайней мере, Санчо часто бывал во дворце, пару раз его видел и сам Герман лакомящимся за накрытым столом. На его вопрос, с какой стати такая забота о неандертальце, Сед, смутившись, перевела разговор на другую тему. Герман ушел, хотя в голове бурлили неприятные мысли. Смущение Сед он воспринял как признак женской измены. Каково было его удивление, когда на прямой вопрос об этом Санчо расшаркался. Для неандертальца показалась кощунственной мысль восприятия Сед как женщины, ведь она – женщина его Макша. В бескорыстность Сед Тиландер не верил ни на йоту: он даже поделился своими подозрениями с Бером. Вдвоем они продолжали следить за Сед, надеясь понять ее мотивы. Но случилось то, что заставило забыть обо всех подозрениях – Санчо услышал ментальный крик Макса, взывающего о помощи.

Случилось это на исходе третьего года. Тиландер вместе с Бером и Малом собирался навестить овдовевшую Иоку и маленького Германа, его по традиции называли Герм. Герману, сыну Миши, шел третий год. После смерти Нел Тиландер по просьбе Иоки перевез ее и сына Миши в Берлин, где стареющий Пабло души не чаял во внуке.

Урру исполнилось пятнадцать, но ростом он превосходил всех, кроме Санчо. Они заканчивали погрузку шхуны, когда в порт ворвался Санчо с красными глазами, отчаянно вопя:

– Макш, Га, Макш Орц!

Успокоить его удалось не сразу, неандерталец выглядел как помешанный. Когда наконец удалось привести Санчо в чувство, он с большим трудом поведал, что слышал Макса, просящего помощи. Ни о каком визите в Берлин не могло идти речи при таких обстоятельствах. Помня про ситуацию с Урха, когда они с Максом попали в ловушку, Тиландер к походу подготовился основательно: на «Катти Сарк» было доставлено всё огнестрельное оружие. Было отобрано сто лучших воинов, шхуну забили продуктами, потому что Санчо выразился конкретно: «Макш далеко!».

Когда встал вопрос, кому участвовать в спасательной операции, Тиландер впал в уныние: без него некому вести корабль. Бер нужен был для управления воинами, и заставить его остаться в Макселе он бы не смог бы при всем желании. Санчо в экспедиции являлся компасом. С учетом того, что пулеметов было аж четыре и две винтовки, без Лайтфута Тиландер обойтись не мог. Мал едва не перерезал ему глотку, когда Тиландер намекнул, чтобы тот остался. Зика ему удалось отговорить, указав на необходимость наблюдать за Сед. А оставлять Урра одного, пусть даже и с охраной, Герман не решился.

Когда он поделился своими подозрениями насчет Сед с Лайтфутотом, Уильям поддержал его решение взять на поиски Макса и Урра.

– С нами ему будет надежнее, мы вернемся быстро. Что бы эта сука ни натворила – Макс исправит, – Лайтфут был прав, Тиландер сам думал так же. Тогда же Герману пришла в голову мысль забрать с собой конспекты Александрова. Он сам не мог понять, почему он распорядился перенести на корабль все эти записи, буквально забив ими свою каюту.

Провожать их экспедицию пришла даже Сед, не говоря уже о всем населении Макселя. Тиландер видел ее довольную усмешку, когда «Катти Сарк» начала медленно спускаться в море по течению Роны. «Ведьма, как мог Макс тебя захотеть», – думал он об уменьшающейся женской фигурке, отдавая команды ставить косые паруса.

Выйдя в открытое море, взглянул на Санчо, стоявшего на носу корабля. Неандерталец показывал на юг, вглядываясь в морскую даль. Спешно отобранные воины гудели в предвкушении битвы, где каждый из них станет биться за Великого Духа. «Катти Сарк» миновала Портбоу, следуя на юг по настойчивому требованию Санчо.

– Ты уверен, нам плыть дальше? – периодически интересовался Тиландер у неандертальца.

Санчо надоели эти постоянные вопросы. Подойдя к Герману, он обхватил его голову руками и сжал в области висков. У Тиландера потемнело в глазах, но в следующую секунду он отчетливо увидел небольшой каменистый остров с бухтой, где со спущенными парусами стола его любимая шхуна. Был ещё один момент – в видении Тиландера – ему показался кусочек моря с прямоугольным квадратом молочно-белого тумана.

Санчо отпустил его, встретившись глазами с неандертальцем, Герман прошептал:

– Я видел.– Больше вопросов о правильности направления у американца не возникло. Зрелище не могло быть галлюцинацией или просто видением. Среди фигурок на берегу острова он отчетливо увидел всех, кто был с ним на корабле. Единственное – себя, Уильяма, Бера и Санчо он видел явно помолодевшими, словно им скинули лет по десять-двадцать.

К концу пятых суток «Катти Сарк», подгоняемый свежим попутным ветром, достиг южной оконечности Испании. Тиландер был уверен, что путь лежит на побережье Африки, но Санчо уверенно показывал на запад. Несколько раз к нему подходили Лайтфут и Мал, уточняя, знает ли он, куда им следует плыть.

– Санчо знает, – отрезал Герман, не вдаваясь в объяснения.

Когда через полторы суток они достигли Гибралтара, Санчо всё так же уверенно продолжал показывать на запад.

– Нам надо запастись мясом и водой, – обратился Тиландер к своей команде, собрав на носу Лайтфута, сыновей Макса и Бера. – Я могу только предположить, но Санчо ведет нас на американский континент, а это больше четырех тысяч морских миль. наших запасов не хватит, чтобы пресечь Атлантику.

– Герман, а мы сможем? – впервые усомнился Лайтфут.

– Колумб же смог; кроме того, чисто технически «Катти Сарк» превосходит допотопные корабли Колумба, при этом мы точно знаем, что на той стороне – суша.

Санчо с пониманием встретил решение о высадке на берег и заготовке провизии. С момента, как началось путешествие, он вел себя спокойно. На слова Тиландера отреагировал своим обычным «Ха», давая понять, что задержка не страшна для Макса.

Неделю весь экипаж парусника, занимался провиантом. Животных свежевали, нарезали мясо на полоски, развешивая вялиться. Все бочки были заполнены чистой родниковой водой, а мяса хватило бы и на два атлантических перехода. Тиландер рассчитывал за сутки проходить не меньше ста миль, а в удачные дни – не меньше ста пятидесяти. По его расчетам, преодолеть Атлантику удастся за месяц, если будет сопутствовать удача и ветер.

Ветер им сопутствовал, гоня «Катти Сарк» со скоростью двенадцать узлов. Первую неделю плавания ветер был попутный, практически не давая упасть скорости ниже десяти узлов. Следующая неделя выдалась не столь удачной: встречный ветер снижал скорость до четырех узлов. Третья неделя оказалась тяжелой: они попали в шторм, и два дня их несло в юго-западном направлении с высокой скоростью. После окончания шторма Тиландер определил, что их снесло на юг.

Санчо по-прежнему показывал на западное направление. С учетом шторма его палец слегка отклонился к северу. "Встроенный компас у парня", – мысленно решил американец, убедившись, что направление пальца неандертальца совпадает с первоначальным маршрутом.

На двадцать седьмой день путешествия Тиландер заметил признаки близкой суши: далеко в небе парили птицы, но разглядеть их не было возможности. «Невероятно», – прошептал он, когда впереди увидел молочно-белый туман, показанный ему неандертальцем. В этот момент Тиландер встретился глазами с Санчо – в них было удовлетворение и радость.

– Мы пойдем в такой плотный туман? – вопрос Бера заставил Германа вздрогнуть.

– Пойдем, Санчо считает, что так нужно, – коротко ответил Тиландер, становясь к штурвалу.

– Герман, там могут быть рифы, – подключился к беседе Лайтфут, – если мы наткнемся на риф – нам конец.

– Спрашивайте у него, достали, я следую указаниям Санчо, – впервые сорвался Тиландер. До молочного тумана оставалась пара кабельтовых, ещё не поздно отвернуть в сторону. Но Санчо, стоя на борту, упорно показывал пальцем на туман, повторяя: «Макш! Макш!».

– Я верю Санчо, он умрет за отца, – впервые вмешался в разговор Мал и, положив руку на рукоять сабли, продолжил: – Герман, делай что говорит Санчо.

«Катти Сарк» медленно стала вливаться в окружающий туман: на мгновение все звуки исчезли, а спустя пару секунд парусник вышел из плотного тумана. Море вокруг корабля было спокойное, прозрачная вода позволяла прекрасно рассмотреть рыб огромных размеров, сновавших вокруг корабля.

– Земля! – крикнул матрос из «вороньего гнезда». – Впереди, прямо по курсу.

На шхуне поднялся шум: все спрашивали, что за земля и там ли находится Макс Са. Только два человека сохраняли спокойствие – Санчо и Тиландер этот остров они уже видели в своей голове. Через час «Катти Сарк» вошла в глубоководную бухту-лагуну: берега земли были безжизненны.

– Здесь ждать, – неожиданно четко произнес Санчо. И такова была убежденность в его голосе, что никто не возразил.

– Высаживаемся на берег, делаем себе временные жилища, – Тиландер оглянулся назад: на его глазах туман, висевший четким прямоугольником, рассеялся, словно его и не было. «Господь Бог, велика твоя сила», – незаметно перекрестился американец, спускаясь в шлюпку.

* * *

Прошло две недели после высадки на небольшой безжизненный остров: за это время они дважды подверглись нападениям летающих тварей, оказавшимся совсем не птицами. У этих созданий крылья были кожистые, как у летучей мыши, а клюв походил на две половинки пилы, усеянной острыми зубами. Сами твари – размером с крупного орла с продольно вытянутой узкой пастью. Мясо жесткое, отдавало противным запахом. У самого выхода из бухты в воде плескалось огромное чудовище, похожее на гигантского осьминога.

Даже не будучи специалистом, Тиландер понял, что их забросило куда-то в очень древний мир. Он однажды, перед самой войной, побывал в Американском музее естественной истории – летающие твари были как две капли похожи на ту, что ему удалось видеть в музее.

«Господи, куда и зачем нас забросило сюда?» – но его мысленный вопрос оставался без ответа. Наблюдая редкостное спокойствие Санчо, Тиландер утешал себя мыслью, что Высшим Силам лучше знать, с какой целью их привел сюда неандерталец.

Сам остров состоял из камней, там росли мхи и лишайники. Росли немногочисленные кустарники, из которых пришлось строить временные хижины. На изменения, происходящие с их организмом. Тиландер обратил внимание на четвертый день – Лайтфут и Бер ему показались явно помолодевшими. Да и с него самого стали спадать штаны, став широкими – исчез небольшой животик. Вглядевшись в свое изображение на воде, Герман едва не вскрикнул – морщины разгладились, лицо осунулось.

«Высшие Силы Земли, что происходит, – прошептал американец в смятении, – неужто все это происходит не во сне. Да кто ты такой, Макс Са?».

С утра заметно помолодевший Тиландер сидел на берегу, окунув ноги в прохладную воду. Бер, помолодевший до возраста Мала, Лайтфут, которому на вид едва дашь двадцать пять, и Санчо, сильно похудевший и явно скинувший около десятка лет – всем не хватало только Макса. Но Санчо сказал ждать – значит, надо ждать.

Неандерталец показался на берегу: он обожал устрицы, поедая их сырыми с утра до вечера. Увидев, что Санчо смотрит на него, Тиландер помахал ему рукой. Фигура на берегу повторила его движения и вдруг рухнула на землю. Вскочив, Герман побежал по берегу, но первым к упавшему Санчо подбежал Бер. Неандерталец был без сознания – несильными пощечинами Тиландеру удалось добиться, чтобы тот открыл глаза.

– Макш, – прохрипел приемный сын Макса, снова отключаясь. В отчаянии, Тиландер поднял глаза и остолбенел – четкий прямоугольник молочного тумана висел в море. Решение он принял за секунду:

– Все на корабль! Макс Са ждет нас, Высшие Силы послали нам знак!

Глава 2. Агентурная сеть

Удачный рейд на Будилиху омрачился одним событием – попаданием в лапы «христоверов» отряда Панса. Мы находились в трех днях пешего пути, когда я получил от него прощальный ментальный посыл – Панса попрощался со мной. Я не успел к нему привыкнуть, как к Санчо, но утрата отряда неандертальцев была невозполнимой. После того как они проводят свое поселение и отведут туда женщин, Панса собирался обратно.

За время, проведенное в каменном веке, я лишился многих друзей, но именно смерть неандертальцев принимал ближе всего к сердцу. По своей сути эти мощные и неуклюжие люди были очень добродушны. Неандертальцы никогда не убивали животных больше, чем могли съесть. С их физической силой им ничего не стоило срубить дерево каменными топорами. Но рубили они их крайне неохотно, стараясь обойтись уже упавшими деревьями. Вначале я считал это ленью, пока однажды Санчо не объяснил, что деревья тоже живые. Ментальность неандертальцев не позволяла им причинять боль другим, если в том не было крайней необходимости. После неудачного штурма Максимена многие воины отряда Панса получили ранения, я сам видел, как они ухаживали друг за другом. Те же кроманьонцы были куда безразличнее к своим, зачастую игнорируя калек и раненых.

Наше возвращение в Берлин получилось триумфальным: весть о захвате и сожжении Будилихи распространилась с невероятной быстротой. Будилиху знали и ненавидели даже в Берлине. Если в Макселе потомки «христоверов» составляли меньше половины населения, то в этом гнезде параноиков и сатанистов они значительно преобладали.

Даже с учетом убитых неандертальцев Панса мой отряд не уменьшился. За счет десятка воинов из общины Наима, Русов из Будилихи и вновь прибывших Русов из Макселя численность возросла.

Терс встречал нас во главе конного отряда уже в предместьях Берлина: я заблаговременно послал гонца с радостной вестью о локальной победе.

– Макс Са, – правитель соскочил с лошади, преклоняя колена. Я никак не мог заставить его прекратить это проявление уважения – Пабло крепко вбил своим потомкам в голову уважение к моей персоне.

– Терс, есть новости от Шрама и Гурана? Не подошла армия Дитриха к Мехико?

– Пока нет новостей, как только враг появится – они пришлют гонца. Этот проклятый город сгорел, Макс Са?

– Сгорел, насколько могут гореть каменные дома. По крайней мере, крыши и все деревянное сгорело; не думаю, что в ближайшее время появятся желающие там поселиться. – Я спешил, поднимая с колен Терса. Где-то в глубине души у меня всегда была мысль, что Терс и Гуран могут быть моими правнуками. Но когда Терс при моем первом прибытии в Берлин перечислял своих предков, сыном Пабло он назвал Герма. Я не помнил такого имени, хотя теоретически у Пабло мог быть сын с таким именем. Кто обращал внимания на такие мелочи, если меня интересовала только его дочь Йока, ставшая моей невесткой и женой Михи.

– На какое-то время сатанистам будет не до нас, они сами будут ожидать нападения. Это паузу надо использовать, чтобы решить вопрос с Дитрихом. Сегодня отдохну, а завтра отправлюсь в Мехик. Ты и Васт останетесь здесь и держите оборону. Поручу Баску решить вопрос с информацией из Макселя, чтобы мы знали заранее, если сатанисты начнут готовиться к нападению.

Всё это излагал Терсу, ведя свою лошадь под уздцы. Правнук Пабло выслушал не перебивая. Поговорить больше не удалось: мы достигли первой толпы берлинцев, спешащих нам навстречу.

– Макс Са, Макс Са,– хором приветствовали меня горожане, прослышавшие о судьбе ненавистной Будилихи.

Процесс мягкой миграции из Макселя в Берлин шел не одно десятилетие. Приверженцы «христоверов» переселялись в Максель из Берлина, а вольнодумцы старались попасть в город, свободный от власти сатанистов. С моим появлением процесс бегства из Макселя в Берлин приобрел характер бедствия для «христоверов». Если бы продержаться без войны год – половина Русов оставила бы город, где неистовствовал патриарх Никон.

Обнимая попадавшихся на пути берлинцев, мы дошли до дворца Терса. Отклонив его предложение обеда, поручил Богдану дать воинам отдых и поступить в распоряжение Васта. Со мной оставалась только охрана, с ней завтра предстояло отправиться в Мехик.

Ната встретила меня в дверях крепости, повиснув на моей шее:

– Макс, любимый, я так боялась и переживала, что ты можешь не вернуться. Сто раз успела проклясть себя за идею напасть на этих извергов. Кто меня за язык тянул: правду ты говорил, что женщины не умеют держать язык за зубами.

– Всё нормально, плакать точно не надо. Слезы беременной – стресс для плода, ты же не хочешь, чтобы наш сын был плаксой?

– А может, будет девочка,– сквозь слезы улыбнулась Ната, отпуская меня.

– Нет, пацан, я это чувствую. Пошли, накормишь голодного мужика, иначе я не способен думать,– повел жену в дом.

– Богдан, пошли за Баском, отдохните сегодня с братьями, завтра с утра отправимся в Мехик.

Пока Ната накрывала на стол, вкратце поведал ей результат экспедиции, не забыв упомянуть о повешенных подлецах из острога.

– А этот, с тупым именем? – поинтересовалась Ната, разливая суп деревянным половником, подаренным ей Илсом.

– Гранит? Его там не было, я помню про обещание повесить его вверх ногами. Ты тоже покушай, пока не пришел Баск.

– Я недавно ела с Зелой,– отказалась Ната и, не удержавшись, похвасталась: – Илс обещал сделать колыбельку для ребенка.

– Молодец немчур! – пробурчал с набитым ртом.

И вспомнил первый допрос пленного немца: было в этом парне что-то такое, почему я отнесся к нему доброжелательно. Он изо всех сил старался сказать мне про Большую БERTу, и ведь ему я обязан тем, что мы легко смогли захватить и угробить гигантские пушки. Суп с кусочками мяса и переваренной чечевицей получился неплохим. Забеременев, Ната стала солить в меру.

– Ещё будешь? – увидев, что я доел полностью, предложила девушка, хватаясь за половник.

– Нет, спасибо. Что у нас с чаем?

– Сейчас,– Ната кликнула Зелу, послав ее за травами.

Травяной чай не входил в число самых моих любимых напитков, но настоящего найти пока не удалось.

Богдан занес мешок из шкуры, напомнив:

– Это та еда, что дал Наим.

Картофель у меня совсем вылетел из головы, а ведь это – решение проблемы питания, если его нормально культивировать.

К моему удивлению, Ната картофель не опознала, когда я гордо высыпал на пол содержимое мешка.

– Что это? – она, тяжело присев, взяла в руки один из клубней.

– Как что? – картофель. Посадим его, а потом и людям будем давать, никто не останется голодным.

– А разве он так выглядит, я видела только синтетический в готовых блюдах.

– Он мелковат, я видел картофель куда крупнее, но со временем и наш станет презентабельнее. Вечером угощу тебя отварным картофелем, а сейчас надо его собрать в мешок. Надо посадить его неподалеку, чтобы животные не поели.

– Во дворе крепости есть участок, – предложила Ната, – там свиней и коз не бывает.

Разведение домашней скотины в Берлине вышло на новый уровень: больше половины семей имели пару животных. Большинство животных были вольного выпаса: коз, свиней и овец можно было встретить даже в центре, где они внаглую выпрашивали еду среди торговых рядов. Только крупный рогатый скот и лошадей Русы содержали в огороженных участках.

– Надо будет поручить Терсу, чтобы занялся этим вопросом, пусть люди скотину держат на своих подворьях, нечего им гулять по городу, – пробормотал себе под нос, закидывая в мешок последнюю картофелину. – И ещё как-то учредить ветеринарную службу...

Баск пришел лишь через час: с его слов, они напали на предполагаемого тайного убийцу и шли по следу.

– Пусть этим займутся другие парни, для тебя есть важное задание.

– Воевать? – загорелся парень, заблестев глазами от радости.

– Нет, Баск, воевать ты успеешь. Сейчас мне нужно, чтобы ты наладил связь с людьми в Макселе. Слушай меня внимательно – Станит, охранник, служивший у Никона, сказал, что на Икания было нападение у Блошиного рынка.

– Это рынок по дороге в логово сатанистов, – вставил Баск, пользуясь паузой, пока я сделал глоток воды.

– Суть не в рынке. Со слов Станита, стрелявший в Икания ушел, его не смогли найти. Что это значит для нас?

– Сатанистов ненавидят, многие хотели бы убить их, – не задумываясь ответил командир Смерша.

– Согласен, но для вас важно другое – в Макселе действует группа людей, готовых подняться на восстание в любое время. После захвата и сожжения Будилихи, если я не ошибаюсь в Никоне, он предпочтет выждать, пока Дитрих предпримет вторую попытку нападения с севера.

– Почему он не нападет, Макс Са?

– Я не уверен, что не нападет, но есть ряд факторов, которые скорее всего заставят его выждать. Будилиха сожжена – это большой удар по сатанистам. Никон может поверить в рассказы, что наша армия находится в окрестностях Макселя – там столько лесов, что можно спокойно скрываться. Не думаю, что он рискнет отправить своих воинов к Берлину, оставив столицу без защиты. По крайней мере, уверен: месяц он выждет, пока не убедится, что рассказы про нашу армию в окрестностях Макселя – дезинформация.

– Дезинформация, – по слогам повторил Баск незнакомое слово.

– Это значит умышленное вранье, – пояснил парню, мучительно старающемуся понять, к чему я веду.

Решив больше не мучить извилины Баска, сразу перешел к делу:

– Тебе надо скрытно пробраться в Максель, найти тех Русов, готовых восстать по первому моему требованию. Подготовиться к моменту, когда я с воинами подойду к Макселю, чтобы ударить врагу в спину.

На минуту повисла тишина: Баск о чем-то усиленно думал.

– Макс Са, – нарушил он молчание, – а если не ждать Твоего прихода и попробовать поднять Русов в Макселе?

– Вас перестреляют, прежде чем вы добьетесь успеха, даже не думай об этом, – жестко осадил парня, возмнившего себя Фиделем Кастро. – Но это не все твои цели, есть ещё одна,

она даже важнее – вы должны следить с местными за сатанистами и предупредить Берлин в случае, если те решат на нас напасть. Тогда у нас будет время подготовиться и встретить их достойно. Приготовление армии к походу занимает несколько дней, их не заметить трудно. Если знать заранее, когда враг собирается выступить – можно или нанести упреждающий удар, или подготовиться к обороне. От тебя, Баск, зависит, сможем ли мы узнать о целях сатанистов или нет.

– Макс Са, могу я с собой взять Арна?

– Можешь, но остальных лучше не брать, большую группу заметить легче. Не забудь, у тебя две задачи: узнать о намерениях сатанистов напасть и готовиться к моему приходу. Чем больше вас будет внутри Макселя – тем легче будет справиться с сатанистами. Но не забывай, Баск: сатанисты хитрые и умные, вам придется встречаться скрытно, хотя вы так и делали раньше. Организуй: если один из вас попадетсся, он не сможет выдать других. То есть вы не должны все знать друг друга, это такая тайная агентурная сеть.

Около часа рассказывал Баску о подполье и конспирации – как функционирует, как менять пароли, явки. Это был сумбур из прочитанных в свое время книг и просмотренных фильмов.

Голуби предателя Ченка жили теперь в моей резиденции: Ната с удовольствием возилась с ними. Достал неотправленную записку Ченка, тщательно скопировал почерк шпиона и подготовил послание для Никона. Прочитав и сверив написанное, остался доволен – почерк был абсолютно идентичный, с многочисленными твердыми знаками после каждого слова мужского рода и буквой «i» вместо привычного «и». Мои слова жителям Будилихи вкупе с запиской должны убедить Никона отсиживаться за стенами городов, ожидая нападения. На какое-то время можно не опасаться нападения со стороны «христоверов».

Баск ушел, пообещав выйти в дорогу ночью, чтобы не терять времени. После его ухода вспомнил про обещанную отварную картошку для Наты. Повар из меня никудышный, но такое легкое блюдо мне было под силу. Картошка девушке понравилась, а узнав, что из одной картофелины можно получить клубней в десять раз больше, Ната загорелась желанием немедленно заняться огородничеством.

– Поздно, темнеет, с утра сам посажу картофель, задействую Илса и Зелу. И вообще, пора Илса делать управляющим, с его руками наш домик будет всегда в порядке.

Вызвав немца с женой, угостил оставшейся картошкой: Илс не был знаком с корнеплодом, придя в восторг от вкуса. Утром показал, как сажать картошку. Оставив Илса с Зелой заниматься этим делом, позвал Богдана:

– Лошади готовы? Нам пора ехать.

– У одной лошади подкова слетела, брат ее отвел к кузнецу, чтобы заменить. Он вернется, и можем выезжать, – почесал затылок гигант.

До возвращения брата Богдана ходил к Терсу, его дворец находился в пяти минутах ходьбы. Терс вместе с Вастом, новым командиром, проводил смотр новобранцев. Увидев меня, радостно поспешил навстречу, хвастаясь:

– Ещё семь человек пришли из дальних поселений, каждый день люди идут.

– Это хорошо, пусть их Васт тренирует, вроде руководитель он неглупый. – Покраснев от удовольствия, новый командир приосанился, требовательно рассматривая строй новобранцев.

– Терс, я выезжаю в Мехик, сатанисты какое-то время не сунутся в Берлин, а если надумают – мы узнаем заранее.

– Главный Дух-Бог скажет? – с восторгом воскликнул Терс, пританцовывая на месте от радости.

– Не станем беспокоить Бога такими пустяками, есть и другие варианты, – ушел я от прямого ответа.

Терс хоть и обещал держать язык за зубами, но рисковать не стоило. Успех миссии Баска целиком зависел от скрытности. Ещё вчера предупредил его, чтобы он всем растрезвонил, что выезжает в Мехик впереди меня, проверяя дорогу на безопасность. Пока оставшиеся в Берлине смершевцы не найдут шпиона, убившего второго связного, следовало соблюдать максимальную скрытность. Ещё раз повторил Васту, чтобы в море на расстоянии двадцати миль курсировал корабль Сирака для раннего обнаружения возможного десанта сатанистов. Два дозорных поста в южном направлении уже были организованы в дне пути от Берлина – в самом сердце Медвежьей балки.

– Терс, Васт, как только будут известия о наших врагах, что они двинулись в путь, шлите ко мне гонца. Дайте ему сменную лошадь, чтобы скакал без остановки, я должен знать как можно скорее. Как только разберусь с Дитрихом – вернусь в Берлин, и если сатанисты не нападут за это время – нападём сами.

Обменявшись рукопожатиями с Терсом и Вастом, вернулся обратно: братья Лутовы уже готовы тронуться в путь. Попрошавшись с Натой и проверив, как идут дела у Илса и Зелы, вскочил на жеребца:

– Вперед!

Из города выехали рысью, переходя на шаг: незачем загонять лошадей. Второй раз путь в Мехик казался короче. После двух ночевок добрались до деревни, где в прошлый раз случился мор животных. Староста уяснил мой урок – жители были довольны своим главой, а скотина вычищена от клещей. Не задерживаясь в приветливой деревушке, продолжили путь. Путешествовать с Лутовыми то ещё удовольствие: пока сам не спросишь, никто из них не заведет разговор.

Назначив Шрама новым командиром гарнизона, я поступил правильно. Понял это, как только добрались до южных ворот. В город нас пропустили только убедившись, что я действительно Макс Са, а мои спутники – Русы. Начальник стражи, немолодой бородатый мужчина, поднял всех своих воинов. Те окружили нас кольцом, пока он вел расспросы. Даже флегматичный Богдан вспылал, оскорбленный количеством уточняющих вопросов главного стражника. Не дав выплеснуться его ярости, жестом призвав успокоиться, я с удовольствием отвечал на все вопросы стражи, касающихся наших персон и цели приезда в Мехик. Когда во мне признали Макса Са, и начальник стражи побледнел, похвалил его:

– Ты всё делаешь правильно, что не пропускаешь в город незнакомых людей. Меня удивляет одно: разве ты не видел меня во время наших боев недавно?

Сконфуженный Прас – так звали командира стражи, покраснел и ответил, что во время боев был ранен на охоте и не участвовал в них.

– Успеешь ещё, скоро будет много сражений. Ты и твои люди допустили одну ошибку – вы слишком близко приблизились к нам. Лучники должны находиться подальше, чтобы видеть всех людей одновременно и успеть выстрелить, если подошли враги. Когда твои лучники очень близко – их просто убьют, и ты лишишься преимущества.

– Я понял, Макс Са, больше не подведу! – Прас покраснел ещё сильнее: кончик его носа от волнения стал лиловым.

– И ещё, Прас, – я остановил лошадь, – прекращай пить ячменку, иначе пропустишь и следующие сражения, – прищпорив лошадь, пустил ее рысью. Хохот сзади у ворот подсказал, что словами о ячменке угодил в десятку.

Не успели мы доскакать до центральной площади, как из боковой улицы вылетел полуголый юноша, в нем я признал Гурана.

– Макс Са! – импульсивный парнишка едва не попал под ноги моего испуганного парнем жеребца. Взвизывая на дыбы, животное чуть не сбросило меня на землю; не знаю, каким чудом смог удержаться.

– Гуран, клянусь Главным Духом-Богом: собственноручно отхлестаю тебя, если ещё раз повторишь такое,— спешившись, обнял парнишку. И, клянусь, в этот момент я словно чувствовал, что обнимаю сына, настолько этот неугомонный подросток стал мне родным.

Глава 3. Будь ты проклят

Трудные времена требуют решительных мер – Никон не знал этого выражения, но нашел в себе силы покинуть свою опочивальню, чтобы провести Общий Совет в Зале Иисуса своей резиденции. За всё время его правления как Патриарха это был второй Общий Совет. Первый он провел, когда назрела необходимость принятия радикальных мер, связанных с распространением сторонников секты «Возвращение». В ту пору он только вступил в должность Патриарха и прекрасно понимал, чем мягкие меры к сторонникам возвращения мифического Макс Са грозят всей их системе власти. Но Макс Са оказался не мифическим, а вполне реальным и осязаемым.

"Будь ты проклят, гори в аду, еретик",—мысленно пожелал Никон своему врагу. Опираясь на Данка, преодолел около семидесяти метров от своей комнаты до Зала Иисуса.

Общий Совет являлся высшим органом среди «христоверов». Когда-то его прадед и дед потребовали созвать Общий Совет, чтобы покинуть чужую страну и возвратиться на Родину. В итоге они обрели новую Родину, где их власти ничто не угрожало,— не угрожало до возвращения проклятого Макс Са, ставшего настоящей занозой в заднице.

Никон знал, что он рискует, созывая Общий Совет – не сумеет ли переубедить членов Совета в своей позиции, его могли сместить, отправив на заслуженный покой. Но взятие и сожжение Будилихи стало последней каплей: если не принять решительных мер, эти новости могли выбить из-под них стул, на котором зиждилась вся власть «христоверов».

Зал Иисуса был полон: при появлении Патриарха все собравшиеся встали, низко склонив головы. Добравшись до Кресла Наместника Иисуса, Никон тяжело опустился, устраиваясь поудобнее. Перед ним стоял стол, накрытый зеленым сукном с кубком воды для утоления жажды. Штатный писарь сидел слева за небольшим приставным столиком, разложив белые листы бумаги и приготовив чернильницу.

– Уважаемые Члены Совета,— прекрасная акустика усиливала голос Никона, давая возможность услышать каждое слово даже на последних рядах.— Я созвал Большой Совет, чтобы мы сегодня вынесли Решение, от которого зависит наше существование. Как вы уже знаете, оплот нашей Веры – город Будилиха – предан огню нечестивым еретиком, его мы сами и возвели в ранг Сына Бога, пытаясь заполучить расположение местных жителей. Было это сделано ещё при первом императоре Тихоне и моем деде, бывшем в то время Патриархом. Их расчет, что местные, называвшие себя Русами забудут своего идола и обратятся к истинной Вере, оказался верным только наполовину.

Никон сделал паузу, давая осмыслить сказанное: по рядам прокатился легкий гул. Собравшись с силами и сделав глоток воды, Патриарх продолжил:

– Сегодня мы собрались для того, чтобы исправить ошибку наших предков. Мы должны прийти к единому мнению: стоит ли и дальше исказить нашу религию для умиротворения дикарей – или же признать Макса Са еретиком, предать его анафеме и объявить награду за его голову.

Конец фразы Никона потонул в громком гуле – треть зала открыто протестовала даже против постановки такого вопроса. Патриарх с сожалением смотрел в зал: случилось то, чего он боялся. За долгие годы вдалбливания дикарям в голову, что Макс Са – Сын Иисуса, многие священнослужители и сами поверили в это. Особенно это касалось священников мелких церквей и соборов, расположенных в окрестностях империи Русов. Для таких служителей Церкви, по их мнению, в Зале Иисуса происходило святотатство.

Подняв дряблую высохшую руку, Никон призвал зал к тишине.

– Я расскажу вам, как и когда Макс Са стал Сыном Бога нашего Иисуса. Слушайте меня и не перебивайте, мне трудно говорить при шуме.

Говорил Никон долго – обстоятельно рассказал предысторию «христоверов», поведал про их переселение в Латинскую Америку и желание части из них возвратиться на Родину. Для большинства из присутствующих его слова были кощунственны, особенно в части, что первый Патриарх решил преднамеренно объявить Макса Са Сыном Бога. Гневные восклицания собравшихся то и дело прерывали речь Патриарха. Но Никона трудно смутить – больше половины собравшихся он знал лично – именно через него происходило назначение священнослужителей.

Один из молодых и ретивых священников не выдержал. С криком «Ты оскорбляешь Сына Бога» он вскочил с места и метнулся к Патриарху. Огромный Данк схватил его, поднимая в воздух: хрустнули сломанные ребра и позвоночник. Молодой безумец безвольной куклой опустился у ног Патриарха. Случившееся несколько образумило горячие головы, Никон больше не слышал прямых оскорблений.

Говорил он не меньше часа, иногда делая минутные передышки.

Закончив свою речь, обвел глазами зал: ему удалось переубедить часть собравшихся. А, может, на это повлияла смерть молодого священника, не совладавшего с эмоциями. Теперь только голосование могло решить участь и Макса Са, и самого Патриарха. Отпив воду из кубка, Никон решительно проговорил в зал:

– Нам осталось голосовать, братья – Закон вы знаете. Если большинство проголосует за мое предложение, остальные примут наше Решение. Если проголосует меньшинство, я оставляю свой пост, сразу будем выбирать нового Патриарха. Всё, что я вам сказал – Истинная Правда, клянусь Господом Богом нашим Иисусом.

Один за другим поднимались руки: некоторые в зале голосовали сразу, остальные поднимали, увидев реакцию соседа. Молодой священник из его резиденции вел подсчет. Закончив, викарий громко объявил:

– За предложение Патриарха объявить Макса Са еретиком, вероотступником и предать анафеме проголосовало сорок семь человек.

Никону удалось скрыть улыбку – количество Членов Большого Совета всегда оставалось неизменным: шестьдесят шесть. Голосовать против не имело смысла, здесь не было важно, сколько против, если большинство голосовало за предложение Патриарха.

– Властью, данной мне от Бога, пользуясь поддержкой большинства Общего Совета, я объявляю... – голос Никона сорвался, он закашлялся. Данк услужливо протянул ему кубок, придерживая голову Патриарха.

Отдышавшись, Никон продолжил:

– Макса Са не считать более Сыном Бога, объявить его вероотступником и еретиком. Макс Са предан анафеме. Все, кто его поддерживает, даёт ему кров и пищу, объявляются вероотступниками, подлежащие убийству любыми доступными методами. Объявить за живого Макса Са, доставленного на Церковный Суд, награду в тысячу рублей, за голову мертвого вероотступника – пять сотен рублей. Награда будет выдана незамедлительно. Поймавшему или убившему еретика будет предоставлена охрана, если он посчитает ее нужной.

Никон замолчал – зал хранил полное молчание. Сегодня ему удалось выиграть бой, но Патриарх осознавал, что время его на исходе. Он отчетливо понимал, что любой проигрыш в сражении с еретиком грозит обрушить всю его власть. Следовало незамедлительно отменить военный поход против Берлина, забыв о договоренностях с Дитрихом. Только укрепив собственную оборону, «христоверы» могли рассчитывать на сохранение власти. Этот Макс Са оказался слишком умен и силен. Никон в который раз пожалел, что не приказал удавить его прямо в своей резиденции.

Следовало отпустить Членов Большого Совета – он вызвал к себе Синода и Тихона, предупредив их взять с собой воинов на случай проигрыша в сегодняшнем заседании.

– Братья мои,– обратился он к молчашему залу,– все мы связаны Клятвой Верности к нашему Господу. Вы проголосовали, и Решение принято! Доведите нашу общую волю до своей паствы,– доведите ее так, чтобы ваши овцы не смели роптать. Но если найдется промеж них паршивая – устраните ее, пока она не заразила остальных. От имени Бога нашего Иисуса благодарю вас за Веру и Терпение.

Никон не стал дожидаться, пока все покинут Зал Иисуса – у него был свой выход. Данк вел его по коридору. Одержанная победа на Большом Совете его измотала. Великан, почувствовав это, бережно взял его на руки, как младенца. Патриарх уснул бы на сильных руках Данка, но его впереди ждал ещё один раунд борьбы – предстояло убедить сына и внучатого племянника, что атаковать Берлин они не будут.

Синод и Тихон Четвертый вскочили при их появлении. Данк бережно усадил Патриарха на огромную кровать. По лицам сына и племянника Никон понял, что до его прихода был спор и разговор на повышенных тонах. "Идиоты, находят время для ссоры, когда над нами такая опасность",– с горечью подумал Патриарх, пока Данк взбивал ему подушку. Аккуратно прислонившись к подушке, Никон вкратце поведал Синоду и Тихону Решение, принятое Общим Советом. Лица обоих отразили недоумение, свое непонимание первым озвучил Синод:

– Отец, вся наша Вера и Власть основывалась на том, что Макс Са – Сын Иисуса. Как теперь нам управлять людьми, если мы их лишаем Веры?

– Не Веры, мы их лишаем поклонения Идолу,– устало возразил Никон,– но это не ваша забота, об этом позаботятся священники. Всё равно половина наших людей не верила, что Макс Са – Сын Иисуса, величая его Великим Духом. Ваша задача – выявлять непокорных, казнить из без малейшей жалости, не давая распространиться заразе. Пусть воины патрулируют все улицы, выявляют всех его сторонников.

– Ваше Святейшество,– уважительно обратился к нему Тихон,– у нас нет воинов, чтобы этим заниматься. Сейчас идет погрузка армии на корабли для атаки Берлина, а часть наших сил уже перешла Рону, чтобы атакой с суши отвлечь внимание берлинцев от порта. Послезавтра уже первое июня, ведь именно о таком плане договорились с Дитрихом Гранит и Иканий, мир его праху.

– Нападение отменяется, отряды Макс Са уже на наших землях. Усильте оборону городов и поселений, пусть немец сам бьется с еретиком. Если он захватит ещё один наш город, как захватил Будилиху, от нас отвернутся все.

– Отец, мы готовы его сокрушить! – вскричал Синод, вскакивая с места.

– Я всё сказал! – в голосе Патриарха прозвенел металл,– если мне придется повторить это ещё раз, я скажу это над вашими трупами. А теперь выполняйте указание. Данк вас проводит, чтобы вы не заблудились.

Слабая улыбка тронула губы Никона при виде, как изменившиеся в лице сын и племянник покидают комнату, косясь на Данка: сегодня он одержал две победы. Ему осталось одержать третью – над собственным телом, слабевшим с каждым днем.

«Господи,– взмолился старец,– дай мне несколько месяцев жизни, чтобы я мог уничтожить этого Макса Са, да будет он Тобой проклят!».

* * *

Проводив Илса, Ганс вернулся к себе, слушая, как затихает цокот копыт по мостовой. Внезапно поймал себя на мысли, что хотел бы оказаться на месте Илса и спешить к Макс Са. Раньше, когда не был знаком с императором Русов, каждое слово Дитриха казалось ему непогрешимым, а сам король – воплощением мужества и чести. Всё познается в сравнении – в этом теперь Ганс не сомневался. Король Дитрих в сравнении с императором Макс Са проигрывал во всем. Уже засыпая, Ганс улыбнулся, вспомнив, как во время очного разговора Макс Са заставил Дитриха нервничать.

Проснулся от лошадиного ржания: голос своего жеребца Ганс узнал бы из сотен других. Выскочив на улицу, Мольтке увидел, как его гнедой беспокоило топчется на месте.

«Что случилось с Илсом?» – промелькнула мысль, ведь он на своем коне отправил его, чтобы предупредить Макс Са о планах Дитриха. Отсыпав жеребцу немного овса, Ганс задумался: Илс либо схвачен, либо убит. В первом случае Дитрих прикажет его пытать, и он непременно выдаст его самого. Если же Илс убит – Ганс вне подозрений, но Макс Са не получит информацию о готовящемся нападении с двух сторон.

Торопливо согрев завтрак, Мольтке методично жевал, пытаясь сконцентрироваться. Надо было что-то делать, пока обезумевший Дитрих не вторгся снова в земли Русов. Ганс не мог простить ему двух авантюрных штурмов Мехика: Дитрих бросал своих воинов на верную смерть, несмотря на все его предостережения. В его памяти всплыли слова, сказанные ему Максом при прощании через очаровательную Нату. При мысли о Нате Ганс почувствовал, как гулко бьется сердце. Усилием воли подавил в себе желание любоваться образом красавицы, вспоминая сказанное императором Русов: «Управляй Дойчами как нормальный человек, наши народы могли бы дружить, помогать друг другу, торговать, делиться знаниями. Но Дитрих одурманен идеей всех покорить. Он закончит свою жизнь на виселице, как обычный вор или убийца». Ганс, увидевший, как сильно изменился друг его детства, был согласен со словами Макса Са.

– Откуда же взять другого короля, если он всех претендентов умертвил, – вырвалось у него вслух.

Дитрих, будучи подозрительным, едва став королем, разобрался с возможными претендентами на престол, сослав всех членов королевской семьи на север. В том регионе фюрлянда жили дикие племена, не брезговавшие человечинной. Периодически эти каннибалы нападали на гарнизон Дойчей, невзирая на потери: в одно из нападений погибли двое кузенов Дитриха. Все приближенные короля, занимавшие значимые посты, были верны ему и боялись до ужаса. Несогласных Дитрих держал в подвале воинского гарнизона, словно напоминая всем командирам своего войска, чем грозит неповиновение.

«А может, Гросс, Хельмут или Берг?..» – Мольтке перебирал имена знати Дойчей, отправленных в подвал за несогласие с войной, высказанное на Королевском Совете. Каждый из перечисленных в свое время обладал немалым влиянием, но сейчас они томились в ожидании казни, отсроченной Дитрихом по непонятной причине.

Вскочив на жеребца, Ганс направился к казармам: встреченные по дороге воины приветствовали его, уважительно кивая головой и поднимая вверх сжатый кулак. Сама казарма почти пуста: армия Дитриха собиралась за городом, готовясь к скорому походу. Возвели примитивную стену, похожую на укрепления Мехика, которую воины Дойчей преодолевали. Дитрих назвал это тренировкой, новое слово было странным, произносилось трудно, но король любил его повторять.

– Открой решетку, мне надо поговорить с предателями, – обратился Ганс с надзирателю, в чьи обязанности входил присмотр за задержанными.

Взяв со стены факел, он спустился по каменным ступенькам в подвал и обернулся к хмурому надзирателю:

– Можешь идти, у меня поручение короля, оно не для посторонних ушей. – Невнятно буркнув, охранник ушел наверх.

Тюрьма, устроенная в подвале казарм, представляла собой клетки из железных прутьев. Все трое, Гросс, Берг и Хельмут, сидели в одной клетке. За время, проведенное в заключении, они заросли как дикари, от них несло так, что Мольтке пришлось подавить приступ рвоты. Убедившись, что их не слышат чужие уши, Ганс изложил свой план, заключающийся в том, чтобы свергнуть Дитриха и посадить на престол Гросса, занимавшего пост первого министра.

– Это проверка, ты по поручению короля? – проскрипел Берт, самый недоверчивый из троицы. Будучи главным казначеем фюрлянда, Берт привык относиться с недоверием ко всему, что не являлось деньгами.

– Нет, это не поручение короля. Я действую сам, меня поддержат многие воины. Я видел, что могут эти Русы и их император – лучшая часть нашего войска уже убита; не хочу, чтобы убили остальных. Дитрих перестал ко мне прислушиваться, им движет желание мести. Так вы со мной или на вас не стоит рассчитывать? – Закончив монолог, Ганс напряженно ждал ответа.

Хельмут, ранее занимавший пост министра сельского хозяйства уклончиво пробормотал, что свиньи и козы надежней людей. И что людям он перестал доверять. Гросс молчал, хотя именно он был главной надеждой Мольтке.

– Мы слишком долго находимся в темнице, чтобы народ – и особенно воины – нас поддержали, – заговорил Гросс. – Твой план хорош и разумен, но есть загвоздка: мой предок – простой человек, поэтому меня не поддержит Королевский Совет, даже если удастся устранить Дитриха. Начнется война между Дойчами, а это очень плохо для развития нашего народа. Есть только один человек: его поддержат воины и Королевский Совет, ему и надо примерить на себя трон Дитриха.

– И кто это? – нетерпеливо спросил Мольтке: нельзя было задерживаться в темнице слишком долго.

– Это ты, Ганс – твой предок был капитаном, доставившим сюда наш народ, наших предков. Воины тебя любят, Королевский Совет тебя поддержит. Если ты победишь и освободишь нас – мы все принесем тебе клятву верности. Если то, что ты говоришь, искренне, – Ганс, не теряй времени. До нас и сюда доносятся слухи о предстоящем походе, самое время воспользоваться любовью воинов, пока они все здесь. Дай им понять, что спасаешь их от смерти, и они будут твоими. Иди, Ганс, да помогут тебе Боги и все силы природы!

Попрощавшись с заключенными, Ганс поднялся наверх. Надзиратель метнул на него подозрительный взгляд, Мольтке с огромным усилием сдержался, чтобы не прикончить его коротким кинжалом. Он брел по улице Регенсбурга, забыв о привязанном около казарм жеребце. В голове звучали слова Гросса: «Это ты, Ганс – твой предок был капитаном, доставившим сюда наш народ, наших предков. Воины тебя любят, Королевский Совет тебя поддержит. Если ты победишь и освободишь нас – мы все принесем тебе клятву верности».

Глава 4. На Северном фронте без перемен

Попав в Мехик, я словно вернулся домой после долгого путешествия: не прошло десяти минут, как весь пограничный городок бурлил. Отовсюду валил народ выразить свое уважение и радость от моего возвращения. Планы провести совещание со Шрамом и Гураном сразу по прибытии в Мехик накрылись медным тазом. Вся площадь между улицами и крепостной стеной была запружена народом.

– Здесь тебя любят даже больше, чем в Берлине,– заметил Богдан, всматриваясь в лица окружающих меня людей. Прошло не меньше часа, прежде чем я смог покинуть площадь и в сопровождении командиров двинуться к своему дому.

Одно из удовольствий быть императором Русов состоит в том, что не надо беспокоиться, где остановиться на ночь – ещё в первый приезд для меня отвели лучший дом в городе. Я не задавался вопросом, чей он – мне его выделили,– значит, на то были причины.

Пока спешно вызванные Шрамом женщины хлопотали у печи, решил провести Военный Совет. Прежде чем озвучить свой план обороны, выслушал Гурана и Шрама, на чье попечение оставлял город после победы над Дитрихом. Вспомнив нациста, в сотый раз пожалел, что не загнал в прошлый раз лошадей, преследуя беглеца. Прикончи я его тогда, одной головной болью стало бы меньше. У Дойчей началась бы междоусобица среди претендентов на престол, а я бы раздавил гадину Никона, вернув себе Максель. Но сделанного не воротишь, надо решать проблемы по мере их появления. И сейчас у меня во второй раз назревала проблема с Дитрихом.

– Шрам, я тебя выслушал, вы всё сделали правильно. Конные патрули за стеной должны увидеть врагов ещё далеко от наших границ. Меня интересует другое – ты не упомянул о пленных, если я не ошибаюсь, их было пара десятков.

– Двадцать семь человек,– подсказал Гуран, влезая в наш диалог.

– И где эти двадцать семь человек?

– Они работают, Макс Са,– немного растерянно ответил Шрам, не понимая, к чему я клоню.

– Где работают, в каких условиях? Где они спят? Они в кандалах или работают без присмотра? – засыпал я вопросами командира гарнизона. Шрам растерялся – одно дело воевать, и совсем другое – отвечать самому Макс Са.

– Они работают в рудниках – часть добывает уголь, другие – камень для дорог и укрепления стены,– еле слышно ответил Шрам, окончательно растерявшись.

«Рабский труд,– мелькнуло в мозгу,– всё, как и бывает в человеческом обществе». А ведь этим самым мы имеем двадцать семь озлобленных людей, готовых мстить при первом удобном случае. Сколько «Илсов» среди этих немцев, которые могут пригодиться при нормальном отношении? Если до сих пор вражда между Русами и Дойчами была по причине нацистской сущности Дитриха, то любой сбежавший к своим пленный немец станет причиной ненависти к нам со стороны Дойчей.

– Насчет пленных, Шрам: они – воины и пришли сюда не по своей воле, а ты их превратил в рабов. Я понимаю, что их можно использовать, пока не восстановили стену или не повесили новые ворота. Но вечно держать их в рабстве неправильно, к ним надо относиться по-человечески. Они уже искупили свою вину четырехмесячным трудом. Направь воинов, пусть всех пленных приведут сюда, к этому дому.

Шрам вышел отдать указание, радуясь, что отделался так легко.

– Гуран, сколько у тебя теперь всадников, лошадей, что вы делали в мое отсутствие? Я поручал вам притащить сюда Большую и Малую Берты, но пушек в Мехике я не вижу.

– Всадников пятьдесят два, лошадей ещё больше – мы поймали всех разбежавшихся лошадей Дойчей, – бойко начал Гуран. – Мы всё время тренировались, как ты показывал: атака лезвием кинжала, атака с охватом боков врага. А пушки, – Гуран замялся, – мы не смогли их притащить: колёса не крутятся. Наши волю не смогли их сдвинуть с места, они сильно ушли в землю, – почти жалуясь, закончил рассказ брат Терса.

– Ладно, подумаем, как нам быть с пушками, – не стал обострять внимание на проколе парня. Я сам виноват, сделал всё, чтобы оси заржавели, а тащить волоком такие огромные дуры практически невозможно. Будь у меня Лайтфут, он бы придумал, как решить вопрос с пушками. Критические замечания в свой адрес выслушали командир арбалетчиков Мар и лучников – Сенг. Вернувшийся в комнату Шрам сидел молча, на его лице читались переживания. Парень, для первого раза неплохо справился со своими обязанностями, просто я хотел, чтобы они начали думать самостоятельно.

В дверной проем заглянул воин, показав знак рукой Шраму.

– Макс Са, пленных привели, – озвучил действия воина градоначальник.

Не говоря ни слова, я вышел, сопровождаемый командирами. Пленные представляли собой жалкое зрелище: в оборванных рубахах, босоногие, с цепями на ногах, скованные попарно. Будь я на их месте, пылал бы лютой ненавистью к своим поработителям, мечтая о дне возмездия. Именно из-за нечеловеческого отношения к рабам, случались все эти восстания в истории человечества.

– Вы понимаете язык Русов? – спросил у пленных, остановившись перед ними.

Двое пленных кивнули, а высокий крепкий молодой Дойч, ответил немного коряво:

– Немного понимать, командир.

– Как тебя зовут? – обратился к высокому пленному.

– Фрид, командир. – Немец был рослый, серо-голубые глаза смотрели без страха. Адский труд в каменоломнях и руднике его не сломал.

– Шрам, пусть с них снимут цепи, а ты, Фрид, переводи мои слова.

– Вы — храбрые воины, вы должны сражаться, а не работать, как простые люди. Я дарую вам свободу – можете вернуться в фюрлянд или остаться здесь и быть моими воинами. Вас накормят, вам дадут одежду, дадут место, где можно жить. Или возвращайтесь в фюрлянд, но там, скорее всего, Дитрих велит вас повесить. Среди вас был такой воин, его звали Илс, может, вы его знаете. Сейчас он живет в моем доме, является уважаемым человеком.

Фрид не понял и половины из моих слов: помогая ему простыми словами, жестами, нам удалось довести до немцев простую мысль – они могут остаться и жить, как все Русы.

– Ты нас не убивать? – серо-голубые глаза Фрида сверлили мою переносицу.

– Нет, не убью. Вы – воины, а воин имеет право умирать только в бою.

Не знаю, всё ли понял Фрид, но в его глазах мелькнул огонек удовлетворения. Из дома вышла женщина, вызванная Шрамом, и сообщила, что еда готова. Усевшись на землю, бывшие пленники растирали лодыжки, натертые кандалами до крови. Они разбились на две группы: около двадцати человек о чем-то бурно переговаривались с Фридом, меньшая группа опасливо смотрела в сторону крепостной стены. Наконец Фрид поднялся:

– Мы хотим остаться, – он указал на группу, где кроме него оказалось восемнадцать человек.

– Они хотят уходить домой, – второй жест в сторону меньшей группы.

– Понятно. Кто хочет уйти – пусть уходит, я распоряжусь, чтобы вам выдали одежду, а ещё – продукты в дорогу. Остальные – идите за мной. Для вас приготовлена еда. Смелее, Фрид, – потянул я вожака Дойчей за руку, приглашая в дом.

Сам я не голоден, а вот немцы, похоже, готовы есть камни. Для меня всегда, как и для большинства русских людей, было характерно сострадание. Фрид сказал пару слов соплеменникам, смело входя за мной в комнату.

Переманивая немцев на свою сторону, я преследовал две цели: найти среди них толковых и преданных воинов. И существовала вторая цель – после тех сражений за Мехик количество женщин в городе сильно преобладало над мужчинами. У многих на руках были малые дети – без мужской опоры они обречены влачить жалкое существование. Все немцы в доме не поместились. Схватив кусок отварного мяса, многие устремлялись наружу. Как я и предполагал, еда оказалась главным убеждающим фактором: вторая группа немцев тоже изъявила желание остаться.

Когда Фрид наелся, отозвал в сторону его и Шрама: несколько раз по слогам повторил, что Шрам – командир, и его указания должны выполняться беспрекословно. Поручил командиру заняться вопросом распределения немцев по несколько человек в разные отряды, чтобы избежать их скученности в одном месте. Также Шраму велел снабдить их одеждой и решить вопрос размещения в двух казармах.

– Шрам, предупреди воинов Русов, что теперь они – наши люди, чтобы к ним никто не лез. Ты меня понял?

– Да, Макс Са.

– И ещё: нужно получше обучить их языку. Найдутся у нас грамотные люди для этого?

– Да, конечно!

– Фрид, – привлёк внимание рослого Дойча, – скажи своим людям, что их будут кормить. А также, – я сделал паузу, – им можно выбирать себе женщин, чтобы они могли жить в домах. Но если будут их обижать – я повешу любого.

Угроза на любом языке быстрее всего доходит: понял и Фрид, кивнув головой и прикладывая руку к груди. Шрам ушел, уводя с собой бывших пленных: освобожденные от цепей и в досталь накормленные, Дойчи даже затаили что-то веселое, похожее на песню.

– Макс Са, не опасно их освобождать? – Никто, кроме Гурана не осмелился задать вопрос, вертящийся у всех на языке.

– Их всего двадцать семь. наших воинов в Мехике – больше трех сотен, не считая всадников. Какая от них угроза? Кроме того, почувствовав, что их не убьют и не угроют в каменистых – они вряд ли захотят рисковать жизнью, нападая на вооруженных Русов. Может, несколько человек из них и попробуют уйти, но остальные останутся. Дома их ждет смерть, Дитрих не простит им плена; а здесь я даю им шанс жить. Не беспокойся, Гуран, я отлично разбираюсь в людях, они будут вести себя очень хорошо. А сейчас, Мар и Сенг, посмотрим, чему вы научили свои отряды.

Если лучниками в основном служили опытные воины, постоянно занимавшиеся стрельбой, то арбалетчики – все новобранцы. Сенг, командир лучников, – воин опытный, он ещё до Мехика командовал лучниками Берлина. Навесную стрельбу из лука, что я показал в прошлый раз, его воины освоили отлично. А вот Мар – из числа новобранцев, был одним из первых арбалетчиков, ещё в Берлине показавшим хорошие навыки стрельбы. Именно поэтому и по итогам двух сражений я остановил свой выбор на нем. Хороший арбалетчик, Мар не годился быть командиром: оружие находилось в ужасном состоянии, местами даже покрыто ржавчиной.

Стрелять парни научились, но никто не озаботился дополнительным комплектом арбалетных болтов: один воин мог иметь десять болтов, у второго находилось всего два. Всё это было отсутствием командирского таланта у Мара. Снятие с должности Мар воспринял с радостью, словно избавился от ноши. Передал арбалетчиков во временное подчинение Сенгу, дав указание подыскать толкового парня для командования этим отрядом.

Время подходило к вечеру, решил конную вылазку за стену крепости отложить на завтра. Предупредив Гурана, чтобы был готов с утра с несколькими всадниками, вернулся к себе в дом.

Перед сном почистил ружье и поручил Богдану, чтобы тот почистил и смазал свое ружье. Большое содержание углерода в железе вызывает повышенное образование ржавчины, поэтому

ружья приходилось постоянно чистить и смазывать. Для смазки использовать стал отстоявшуюся густую фракцию нефти, смешав ее с животным жиром: в принципе, получалось неплохо.

Утром, до выезда за стену, нашел Шрама и узнал, как устроились немцы и не было ли побегов. Побегов не было. Освобожденные пленники, убедившись, что их никто не трогает, вели себя спокойно. Один из них умудрился уже найти себе постоянное жилье у молодой вдовушки с тремя детьми. Если и остальные последуют его примеру, за бывших Дойчей можно не беспокоиться: женщина удерживает мужчину крепче клятвы верности. Да и «полное погружение в языковую среду» очень быстро даст результат такой, что Дойчам и обучаться русскому не придется.

Кроме Гурана и пяти его всадников, решил взять только Богдана: за стеной всё спокойно; кроме того, там были наши конные патрули.

Выехали мы ближе к обеду – ушло немного времени на решение пары организационных моментов. Первый конный патруль встретился через два часа рыси: трое всадников выскочили из леса, сближаясь с нашим отрядом. Предупредил Гурана о смене тактики патрулей – им не сближаться надо и атаковать потенциального неприятеля, а максимально быстро известить город о приближении врага. Гуран отослал патруль, пригрозив после смены спустить им шкуру.

Второй патруль находился дальше – в том месте, где в прошлый раз мы обнаружили стоянку огромной армии Дитриха. Этот патруль выдал себя, лишь убедившись, что перед ними – свои.

– Все спокойно, врага не видели? – осведомился я у молодцеватого старшего патруля – парня, из-за длинных свисающих усов похожего на казака.

– Никого не видели, кроме оленей и волков, – бодро отрапортовал тот, стараясь удержать жеребца на месте.

– Хорошо, продолжай так же осторожно наблюдать за долиной, – похвалил патрульного.

Близился вечер, надо было подумать о возвращении домой. Уже развернув жеребца, вспомнил по Большую БERTу – она на расстоянии ночного перехода, если ночь будет светлой. Удастся ли съездить самому и убедиться, в каком состоянии пушки и изучить возможность их транспортировки в Мехик?..

– Может, проскочим к Большой Берте, разведаем ситуацию? – предложил вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Как скажешь, – невозмутимо отозвался Богдан, а Гуран еле сдержал радость от предстоящего рейда.

– Тогда остановимся, как стемнеет, незачем двигаться ночью, – прищпорив жеребца, пустил его рысью на север.

Остановиться на ночлег пришлось примерно через час: небо затянуло тучами, сквозь которые иногда проглядывали звезды. Несильный летний дождь принес прохладу и смыл дорожную пыль. Заканчивался май – сегодня уже тридцатое число. Если следовать плану Никона-Дитриха, войска Дойчей уже должны были находиться в окрестностях Мехика. "А вдруг Ганс задумал ловушку и специально дезинформировал Илса", – от этой мысли меня прорбала дрожь. Я нахожусь на расстоянии дневного перехода от города. Если в этот момент войско Дитриха пошло другим маршрутом, например преодолев Альпы, они могут зайти в Мехик с тыла. Да что там Мехик – весь Берлин с окрестностями окажется на ладони.

Мысль очень неприятна, у меня даже вспотели ладони. Я заигрался в благородного идалго, даруя пленникам жизнь и возможность быть Русами, а они могут присоединиться к своим, если Дойчи сумеют нас обойти с тыла. Усилием воли сдержал готовую сорваться с уст команду на возвращение. Если меня провели вокруг пальца, наш маленький отряд ничем не сможет помочь гарнизону Мехика. Успокоившись, обрел возможность мыслить логически: Суворов прошел через Альпы – теоретически они проходимы для войска. Но Суворов имел

карту, нанимал проводников, он точно знал, что Альпы проходимы. Для Дитриха горные вершины – это своеобразное табу. Соваться туда, особенно с войском, он не посмеет.

Оставался ещё один путь – обойти Альпы и напасть на нас со стороны юго-востока Франции. Но в таком случае путь удлинялся очень серьезно – идти вдвоём через леса и вести армию с обозами – не одно и то же. Кроме того, Дитрих должен иметь карты и знать, что такой поход возможен. Я уже не говорю про раскинувшиеся на огромной территории болота, где едва не утонула Ната.

После десятиминутного мысленного анализа пришел к выводу, что атаковать Мехик – единственно возможный путь для Дитриха. Чтобы попасть в земли Русов, ему надо взять город, но Мехик уже показал ему, что является крепким орешком. Настораживало то, что ни конных разъездов, ни пеших разведчиков Дойчей нам не встречалось. Может, Дитрих послал к черту договоренность с Никоном, решив оставить нас один на один, чтобы напасть позже на ослабленного победителя? Вариантов – масса: он мог банально сломать ногу и отложить поход, не было смысла гадать. Утром дойду до пушек, разведу ситуацию и вернусь обратно в Мехик. А потом пошлю разведку до самого Штатенгартена – если война намечается, в пограничном городке должны быть признаки подготовки.

К пушкам дошли ещё до обеда, так и не встретив ни одного Дойча. Дожди осени и весны, зимние снега сделали свое дело: лафеты и стволы густо покрывала ржавчина. Немцы сюда приходили – пушки были оттащены на метров сто, проложив глубокие колеи заклинившими ободами железных колес. Весь этот стометровый путь был изрыт и вытопан копытами волов так сильно, что даже трава здесь росла лишь местами. Видимо, Дойчи плюнули на попытки доставить пушки в Регенсбург, ограничившись снятием с них тех деталей, легко извлекаемых в полевых условиях.

Осматривая многотонные ржавые пушки, отчетливо понимал, что и у меня нет сил и средств доставить их даже в Мехик, хотя мой городок был куда ближе немецкого.

На минуту мелькнула мысль продолжить разведку до Штатенгартена, но решил не рисковать: нас слишком мало, если встретится отряд немцев. Кроме того, пора мне уже взрослеть – некоторую работу можно поручать другим, совсем необязательно рисковать самому. Меня ждет народ Русов, проклиная сатанистов. Меня ждет Ната, готовясь родить мне ребенка.

"Пора остепениться, думать головой, а не одним местом", – приказал сам себе, громко отдавая команду своему отряду:

– Парни, возвращаемся!

Глава 5. Старый знакомый

Прошло ещё пять дней. Всё это время, находясь в Мехике, ожидал вестей от патрулей о приближающемся враге. За этот период успел добраться до Терса и вернуться один из разведчиков, посланный мной узнать о ситуации в Берлине. Новостей не поступало: складывалось впечатление, что мои враги решили повременить с нападением. Если заминку со стороны «христоверов» я понимал, то бездействие Дитриха настораживало.

Вместе с гонцом по моему требованию вернулся Илс. Сознывая рискованность такого шага, собирался послать его в городок Штатенгартен – сидеть в неведении относительно планов Дитриха становилось невыносимо. Илс слегка потух, узнав о моем плане, но выразил готовность идти в сторону Дойчей.

– Подождем пару дней, если наши патрули не заметят ничего, тогда придется отправиться тебе.

– Хорошо, Макс Са, – склонил голову парень.

Сама идея отправить его в разведку мне не нравилась, но на кону стояло слишком многое. Отправленный по окрестным деревням Гуран вернулся с тремя десятками лошадей. Общая численность конницы с учетом новых животных приближалась к сотне. Арбалетчики и лучники под общим командованием Шрама, проводили ежедневные тренировки. Свистки прочно вошли в комплекты командиров подразделений: во время тренировок на площади стоял разнокалиберный свист.

Обоз, пришедший следом за мной, доставил в Мехик десять мешков пороха – теперь пушкарки могли оттачивать мастерство. Заранее установив деревянные щиты на расстоянии двухсот метров от стены, Нарм добивался от своих подчиненных попадания с первого выстрела.

Город жил ожиданием скорой войны: Шрам, совмещая должность командира гарнизона и градоначальника, продолжал заниматься вопросами тылового обеспечения. Ежедневно за стену уходили группы охотников, возвращаясь с добычей. Часть принесенного мяса шла на засушку, вторая часть – на засолку: трофейная немецкая солонина всем пришлась по вкусу. И лишь третья часть шла в город и в казармы для ежедневного питания.

Рядом с Мехиком было немного полей, пригодных для посева злаковых. Часть горожан расширяла пахотные земли, вырубая деревья и выкорчевывая пни. Увеличение гарнизона требовало большего количества зерна: в настоящий момент подготовкой площадей под посевы занималась половина горожан. Инспекцию конных патрулей полностью возложил на Гурана – Шраму и без этого хватало забот.

Следовало обезопасить город со стороны озера: в прошлый раз Дойчи едва не достигли успеха, форсировав этот водоём. Единственное, что пришло в голову – это установить частокол из заостренных бревен, притопив основание в озере. Надо было установить их так, чтобы острия бревен на десять сантиметров, скрывались под водой. Бревна следовало расположить, обратив направление острых концов в стороны, откуда возможно нападение. Лодку такой кол просто вспорет, а плот будет надежно остановлен.

Первым мою идею понял Богдан, часто ловивший рыбу в ловушку из прутьев. Поставив его старшим над бригадой лесорубов, всецело доверился его умению: груда бревен на берегу озера росла, где двое из Лутовых топорами затесывали одну сторону, превращая их в острые наконечники.

Прошла неделя в монотонной работе: за это время из разведки вернулся Илс, отправленный с отрядом Гурана к стенам Штатенгартена. Я не хотел рисковать ценным немцем, поручив ему провести только визуальную разведку, не входя в городок. Со слов Илса, Штатенгартен жил своей обычной жизнью – ни войск, ни активности в окрестностях не наблюдалось. Что-то

пошло не так, не мог Дитрих отказаться от реванша, тем более что у них существовала договоренность с Никоном.

Уверенность Илса, что в Штатенгартене все спокойно, успокоила меня лишь частично: снова начал думать, не ожидает ли меня удар с другой стороны. Обломав зубы на неудачном штурме Мехика, Дитрих мог рискнуть пройти через Альпы. Этот вариант следовало проверить, прежде чем успокоиться и возвращаться в Берлин. Ещё два дня у нас ушло, чтобы притопить бревна в озере, создав невидимую преграду для водного транспорта во избежание форсирования водоёма. Ежедневно Гуран докладывал об отсутствии передовых отрядов Дойчей – его патрули забирались всё дальше, пытаясь заблаговременно обнаружить неприятеля.

Вызвав к себе Шрама, потребовал отчет о состоянии и количестве гарнизона. Шрам волновался, путал цифры, приходилось переспрашивать. Общее количество воинов Мехика чуть не дотягивало до четырех сотен человек, в том числе почти сотня кавалерии. Гуран ума сходил, заставляя подчиненных тренироваться каждый день. Если сравнивать с ситуацией первого нападения Дитриха, гарнизон города усилился, а больше половины воинов имели хороший боевой опыт.

– Шрам, мне нужны охотники – те, которые ходили охотиться в горы, – показал рукой на белеющие верхушки горной гряды на севере.

– Макс Са, туда охотиться не ходят, наши люди уходят за стену, чтобы добыть животных, – осторожно возразил градоначальник, переминаясь на месте.

– Я понимаю, но наверняка найдется пара человек – горных охотников. Найди мне их, и как можно быстрее.

Командир гарнизона ушел, на его лице было написано недоумение, но свои вопросы Шрам оставил при себе. С каждым новым днем, когда конные патрули докладывали об отсутствии врагов, всё очевиднее становилось, что надо возвращаться в Берлин. Даже если Дитрих предпримет поход к Мехику, передвижение огромной армии требует несколько дней, пока она целиком соберется у стен города. За это время я успею вернуться из Берлина, чтобы лично возглавить оборону.

Уже четвертый день меня настойчиво посещала мысль, что Никон и его армия не будет все время сидеть за стенами городов. Пройдет максимум пара недель, и «христоверы» доподлинно узнают, что моих войск рядом с Макселем нет. Убедившись, с большой долей вероятности решат напасть, чтобы раз и навсегда покончить со мной и моим влиянием на Русов. Нужно возвращаться в Берлин и готовиться к атаке на Никона и его козлу. Что касается Дитриха – единственное логичное объяснение его бездействия, по моему мнению, крылось в болезненном поражении. Может, немецкий король решил прислушаться к голосу разума и отстать от Русов?

Охотника Шрам нашел – это был здоровенный детина с густой косматой головой и длинной бородой. Отзывалась горилла на имя Зип, говорить умела, но крайне косноязычно. Шрам, приведя его ко мне, представил как единственного, кто ходит в горы охотиться на горных баранов и диких кошек. О каких диких кошках идет речь, можно было догадаться по пятнистой светло-дымчатой шкуре на плечах Зипа. Эта немногословная горилла завалила как минимум одного снежного барса! – хищника очень свирепого и осторожного.

– Ты далеко ходил в горы?

На мой вопрос Зип наклонил голову, словно вслушиваясь в далекий шум. После почти минутного молчания этот пещерный человек наконец выговорил:

– Далеко.

Сам вид Зипа сильно напоминал йети, как их рисуют обычно ученые, считающие, что снежные люди существуют. Не удивлюсь, если охотник весь покрыт шерстью – с его шевелюрой и бородой до самых глаз такое вполне возможно.

– Мне надо пойти в горы и пройти их, чтобы попасть на ту сторону. Это возможно? – чтобы «йети» меня понял, показал направление.

Зип всмотрелся в белеющие снежные вершушки гор и хрюкнул:

– Я смогу.

– Что значит «я смогу»? А я, ты считаешь, не могу месте с Богданом?

Охотник смерил нас со старшим Лутовым взглядом, в котором читалось некоторое пренебрежение, и пожал плечами.

– Выходим утром, посмотрим, лучше ли ты нас. Сейчас можешь идти, когда рассветет – будь здесь.– И отпустил Зипа, который молча направился прочь.

– Может, его стоит проучить? – осторожно подал голос Шрам, молчавший во время моего разговора.

– Не надо, все охотники и рыболовы странные, не обращай внимания. Богдан, нам нужно подготовиться – нужна ещё пара шкур и рюкзак с едой. И требуется сменить одежду. В этой мы замерзнем, едва вступим на ледник.

Остаток дня провел, критически рассматривая принесенные Богданом вещи. В Мехике отыскали два малахая из шкуры соболя. Унты для меня нашлись сразу, а на размер Богдана нашли только ночью. Два тулупчика скроили из медвежьей шкуры, с учетом другой одежды и запасных шкур должно хватить, чтобы не замерзнуть.

Зип явился ещё до восхода солнца: сторожившие нас воины пытались отогнать этого нелюдимого человека, пока на шум не вышел Богдан.

Спешно позавтракав, вышел в сопровождении Богдана, увешанного оружием. Зип скептически посмотрел на лук и копьё в руках Лутова. Коснулся рукой топора:

– Тяжело. Не надо.

– Богдан, оставь его, парень прав – это лишний вес, на тебе ещё шкуры запасные,– подержал я Зипа.

Бормоча под нос проклятия женщине, что сошлась с медведем и родила такого придурка, Богдан передал топор брату. А вот к нашим шапкам, унтам и тулупчикам у «йети» вопросов не возникло. В его глазах даже промелькнул огонек удивления. Вероятно, он думал увидеть нас в легкой одежде, считая идиотами, не знающими, что такое горы.

От лошади Зип отказался – до предгорий было не меньше двадцати километров.

– Богдан, рысью! Пусть побегает,– тронул жеребца, уверенный, что через пару минут Зип попросит остановиться.

"Наверное, безнадежно отстал, а кричать гордость не позволяет",– оглянувшись, едва сдержал возглас удивления: Зип бежал следом в пятидесяти метрах.

– Твою мать! Она что, тебя от жеребца зачала,– вырвалось у меня, натягивая поводья. Богдан тоже осадил своего коня, а Зип, якобы не видя нас, пробежал мимо, словно только начал бежать.

Мы скакали рысью минут десять,– это высокая скорость,– а охотник с копьем в руках, с мешком из шкуры на плечах промчался мимо, будто для него это – разминка. Минуты три остолбенело смотрел вслед Зипу, легко бегущему на небольшой подъем в сторону горного массива.

– Это не человек,– вынес вердикт Богдан, глядя вслед уменьшающейся фигурке охотника.

– Мне бы его выносливость,– завистливо посмотрел на Зипа, успевшего отдалиться почти на километр,– но нам пора, вперед.

Самое интересное было впереди: на предгорьях Альп в хвойном лесу была бревенчатая избушка, к которой свернул Зип. Мы подскакали в тот момент, когда из избушки выскочила трое людей: женщина и парнишка с девушкой. Они радостно кинулись обниматься с Зипом – все трое сильно смахивали на нашего охотника; пожалуй, кроме женщины.

– Мой дом,– запыхавшийся Зип показал рукой на избушку.

– Это твоя семья?

На мой вопрос охотник утвердительно кивнул.

– Лошади. Здесь,– он щелкнул языком, парень подскочил, забирая у меня поводья.

– Кушать давай,– велел он жене, метнувшейся в домик.

Оставшаяся девица,– на первый взгляд лет около семнадцати,– не уступала габаритами даже Богдану. Девушка молча сканировала нас и остановила свой взгляд на мне, улыбнувшись желтыми зубами.

"Я столько не выпью",– пробормотал себе под нос, отводя глаза от плотоядного взгляда девушки. Богдан тоже предпочел ретироваться в сторону парня, привязывавшего наших лошадей к дереву.

Обиженно надув губы, девушка подошла к отцу, вполголоса обращаясь к нему: этого языка я не знал. Слова лились, как мелодия, вызывая у меня когнитивный диссонанс. Огромная неухоженная девица (даже не представляю степень ее оволосения) разговаривала, как будто щебетала. Необыкновенно текучие, похожие на перезвон колокольчиков слова так и лились из неё.

– Она хочет, чтобы. Ты... был ее... охотником,– Зип, выслушав дочь, без обиняков перевел. Столь длинная фраза далась ему с трудом, он дважды запинался и замолкал, подыскивая слова.

– У меня есть женщина, а ей мы подыщем хорошего охотника. Да и разные мы по габаритам, вряд ли я с ней справлюсь,– совершенно серьезно ответил главе этой семьи, надеясь, что не вызову обиды отказом. Но Зип меня понял, видимо, сам придерживаясь такого мнения.

– Найдешь ей хорошего охотника? Сильного?

– Найду,– твердо пообещал, не представляя, кто сможет справиться с девицей, чьи бицепсы напоминали ляжку тренированного бодибилдера. Если только Санчо, но мой приемный сын давно мертв, а других таких могучих воинов я и не знаю. Ну, может, Данк, если удастся переманить его на свою сторону. Видимо, надо поискать кого покрупнее среди бывших пленных Дойчей...

Зип перевел мои слова дочери. Она буквально расцвела. Скинула с себя шкуру, прикрывавшую грудь. "Блять, Санчо бы точно понравились эти десятилитровые бидоны«,– мелькнула мысль при виде столь мощных грудей размера эдак шестого, если не больше. Девица, решив, что достаточно показала товар лицом, накинула шкуру и побежала в дом, весело напевая.

Ранний обед, приготовленный женой Зипа, оказался мясным супом, удивив меня ещё больше. С первого взгляда на Зипа и его семью казалось, что это отсталые люди. Но эти так называемые дикари имели приличную чугунную посуду, неплохие столовые приборы и готовили себе жидкую пищу.

Оставив лошадей под присмотром семьи отшельника, мы устремились в горы. От избушки Зипа начинался уже ощутимый подъем, перешедший через час ходьбы в крутой. Как мы с Богданом ни старались, за охотником не успевали. Эта горилла умудрялась идти с одинаковой скоростью как по равнине, так и по подъему в сорок пять градусов. Мне приходилось хвататься за кусты, чтобы не сорвать вниз. Богдан, тяжело дыша, сопел у меня за спиной.

Первый привал сделали спустя два часа: до снежной границы оставалось около километра. Расстояние пустынное, если не надо идти в подъем, петляя по склону.

От снежных вершин несло холодом даже на таком расстоянии: мой распахнутый было тулуп Зип застегнул со словами «нельзя!».

Чем больше присматривался к своему «йети», тем больше он меня удивлял. Этот угрюмый, огромного роста человек, оказался нежно любящим отцом. Его прощание с семьей чуть не вышибло из меня слезу.

– Надо идти,– вырвал меня из блуждания по воспоминаниям голос Зипа.

Тяжело кряхтя, вслушиваясь как ноют мышцы по всему телу, поднялся. Богдан выглядел не лучше меня, капли пота не успели высохнуть на его лице. Дойдя до границы снега, Зип

свернул на запад. Ущелье появилось через полчаса, хорошо сокрытое от посторонних глаз. По мере углубления оно ширилось, демонстрируя даже просторные участки ровной поверхности.

На ночь мы остановились в пещере: судя по всему, Зип здесь бывал не раз. В углу свалена куча хвороста, в другом валялись кости животных.

– Дальше я не ходил, – признался Зип, подкладывая хворост в разгорающийся костер.

Поужинав мясом из рюкзака, завернулись в шкуры и устроились рядом с огнем. Только на второй день горного путешествия, я понял, что имел в виду Зип, сомневаясь в моей способности пройти Альпы. Всё тело болело так, будто меня пропустили через мясорубку. Дважды я падал и скользил вниз, пока меня не ухватывала спасительная стальная рука охотника. К концу этого дня на мой вопрос, когда закончатся проклятые горы при таком темпе ходьбы, Зип показал три пальца.

– Утром возвращаемся назад, – принял я решение к огромному удовольствию Богдана, – не пройти через Альпы армии Дитриха; да и нам не пройти.

Даже если Дитрих сунется через горы, он растеряет половину армии, ещё не преодолев половину пути. Нас было всего трое, и дважды я срывался вниз по леднику. А когда идет масса воинов, один упавший воин может увлечь вниз добрую сотню.

Обратный путь прошли куда легче: на самом выходе из ущелья Зип поднял руку, останавливая наше движение.

– Добыча!.. – прошептал «йети», откладывая в сторону лук и стрелы и взвешивая в руке копьё. Он приложил палец к губам и жестом показал, чтобы мы спрятались за валунами. Ожидание затянулось, я уже собирался встать и продолжить путь, когда увидел стадо туров. Впереди шел вожак с огромными рогами, за ними следовали три самца помельче, около десятка самок и четверо молодых ягнят. Животные спускались по почти отвесной стене ущелья.

Когда до нас оставалось около пятидесяти метров, Зип присвистнул. Туры остановились, вожак вскинул голову, нюхая воздух. "Надо бы всем вместе из луков, копьё до них не долетит", – мелькнула мысль, когда меня обдало холодным порывом воздуха: охотник метнул оружие. Самца, стоявшего рядом с вожаком, буквально отбросило в сторону, и он покатился вниз, цепляясь за выступы ледника копьём, торчащим из брюха. Стадо мгновенно развернулось и прыжками стало взбираться наверх, на глазах удаляясь из пределов досягаемости.

– Это он копьём? – в голосе Богдана сквозило неподдельное восхищение. Я даже не стал отвечать на риторический вопрос – мы всё видели своим глазами.

Зип умудрился попасть в тура минимум с сорока метров. Пока мы стояли разинув рот, охотник спустился вниз к туру, взвалил его на плечи и вытащил из него копьё. Не очень сильно уступая турам, он шел на подъем, пока не поравнялся с нами. Скинув тушу у моих ног, Зип ухватился за массивные яйца тура:

– Лу. Любит их.

Если Лу – это его дочь, неудивительно, что она вымахала такой здоровой и сильной, употребляя столь специфическое блюдо.

До избушки Зипа мы дошли к обеду следующего дня, всё это время охотник нес на себе тура, а мы напрягались изо всех сил, чтобы не отстать от него.

Трудно описать радость Лу при виде добычи Зипа: причиндалы тура она моментально отхватила маленьким ножом и убежала с ними в избушку. Попрошавшись с Зипом, отношение к которому у меня сильно изменилось, рысью поскакали в сторону Мехика. Успел сказать охотнику, чтобы он чаще приходил в город – с таким человеком не стоило терять связь.

– Приду. Охотник – для Лу?.. – напомнил Зип, впервые широко улыбнувшись, – видимо, дочка его достала просьбами о поиске самца.

Уже въехав в город, не успели приблизиться к площади, как услышали шум и крики. Пришпорив жеребца, влетел к месту потасовки.

– Что здесь происходит?!

Дерущиеся застыли, услышав мой голос.

– Макс Са,– обратившегося воина я видел в конном патруле во время нашей вылазки,– мы поймали одного врага, но он успел убить двоих наших.

– Где он?

После моего вопроса, воины расступились, открывая взгляду распростертое на животе тело мужчины с окровавленным лицом.

– Кто он?

От моего вопроса лежавший вздрогнул, с усилием приподнимаясь на руках, повернул голову. Несмотря на кровь, заливавшую его лицо, этого подонка я узнал сразу – тот самый Гранит из острога Будилихи, избежавший смерти во время рейда на оплот «христоверов».

– Еретик, ты соришь в Геенне Огненной! – выплевывая кровь, прошипел сатанист.

– А ты повиснешь вниз головой, пока из Гранита не превратишься в мокрую глину,– весело ухмыльнулся ему в ответ.

– Кто его тронет – будет мной наказан. Богдан, веди его в мой дом,– бросив поводья воину, спешил: подонку пришел час расплаты.

Глава 6. Ганс Мольтке

Гранит не зря носил свое имя – он продержался до вечера, и Богдан был вынужден оставить его в покое, боясь за его жизнь.

– Он молчит, что бы я с ним ни делал, – сокрушенно пожаловался гигант, переминаясь у входа в дом.

– Заговорит!.. Накормите его пересоленной едой, а воду не давайте до утра. И смотри, чтобы у него не было возможности покончить с собой. И не делай виноватого лица, Богдан: эти религиозные фанатики не боятся смерти, к ним нужен другой подход. У него должно быть слабое место, каждый человек имеет свою слабость. Повторяю: проследи, чтобы его накормили солёным, но воду не давали. А утром посмотрим, так ли крепка его вера, как он сам считает.

Появление Гранита закрывало последний фрагмент головоломки – вот кто тот самый Рус со странным именем, упомянутый Гансом в разговоре с Илсом. Но каким образом он оказался в окрестности Мехика, если был гостем во дворце Дитриха? Ченка Богдан сломал за час, Гранит продержался в пять раз больше.

Послал одного из воинов за всадником из патруля, что приволок Гранита в город. Когда воин явился, я заканчивал свой ужин. Богдан продержал парня у входа, пока я не соизволил выйти. В сгущающихся сумерках при свете факела вид испуганного вызовом воина казался нарисованным кровавыми красками.

– Макс Са!.. – воин почтительно отвесил полупоклон.

– Расскажи всё с момента, как вы увидели пойманного вами человека. Не пропускай мелочей, вспоминай всё: как вел себя пленник, куда шел, что делал, – присев на пороге, приготовился слушать патрульного.

– Нас было пятеро. По указанию Гурана уходили всё дальше в сторону врага, чтобы увидеть его как можно раньше, – начал рассказ оправившийся от страха воин. – Первым его заметил Сунк: чужак лежал, придавленный лошадь. Вначале мы подумали, что он мертв, но мой напарник заметил, что тот дышит. Мы смогли его вытащить из-под лошади, и в этот момент он ударил Сунка ножом в шею... – воин запнулся.

– Продолжай, – велел я, невольно восхищаясь Гранитом: вот уж воистину гранит, а не человек.

– Прежде чем мы успели понять, что случилось, этот мужчина пырнул ножом и Хвена, – понизив голос, проговорил патрульный, опуская голову.

– А вы втроем набросились на него и скрутили. Так? – продолжил я вместо оторопевшего воина.

– Не совсем так, Макс Са, – плечи патрульного совсем поникли, а говорил он еле слышно.

– Говори громче, я почти не слышу тебя, – велел парню, не понимая его реакции.

– Он ещё успел ранить Герса, но только в руку. Отступая, зацепился за труп лошади и упал, нож вылетел из его рук, и мы с Прамом его скрутили, – пролепетал окончательно съевшийся воин.

– Подожди, – мне пришлось прервать своего патрульного, чтобы прояснить детали. – Один вооруженный ножом мужчина убил двоих и ранил третьего? И не упали он, споткнувшись о лошадь, – неизвестно, чем бы закончилась ваша схватка?

– Мы думали, он мертв, Макс Са, даже оружие не успели вытащить. Прам хотел его убить на месте, но я подумал, что его надо доставить к тебе живым.

– Как тебя зовут?

– Асан.

– Асан, вы поступили, как женщины, когда бросились вытаскивать незнакомого человека, даже не подумав, что это может быть ловушка. Но я прощаю вас троих за то, что привезли его живым. А почему была драка на площади у стены, за что его били?

– Когда воины узнали, что он убил Сунка и Хвена, они набросились на него, а мы с Прамом и Герсом старались его защитить.

– Ясно. При нем были ещё вещи?

– Только меч и бурдюк для воды, – ответил осмелевшим голосом Асан.

– Ладно, можешь идти, скажи Гурану, чтобы придумал вам троим наказание за вашу ошибку.

Отвесив полупоклон, повеселевший Асан ушел, оставив меня в ещё большем неведении. По его рассказу получалось, что придавленный лошадьё Гранит мог лежать, ожидая помощи не один час. Удивительно, что едва его вытащили, смог атаковать пятерых – за время, проведенное под тушей животного, нога могла просто перестать слушаться его. Так скорее всего и случилось – падение было следствием восстанавливающегося кровотока, вызвавшего кратковременное нарушение иннервации.

Но куда направлялся Гранит? И почему в одиночестве? И явно спешил, если кроме бурдюка с водой у него даже не было запасов еды. Ведь фактически шел в сторону Мехика, понимая, что серьезно рискует. Или пробирался на побережье, оставляя Мехик по западную от себя сторону?

Ответы мог дать только сам Гранит. Оставалось запастись терпением до утра. Ясно было одно: что-то случилось в землях Дитриха, если Гранит рискнул в одиночку пробираться в сторону Макселя.

Утром, сразу после завтрака, велел привести пленника. Не узнай я вчера вечером – сегодня не признал бы, в какой фарш было превращено лицо сатаниста. Лицо приобрело лиловый оттенок, оба глаза заплыли, губы разбиты и опухли на зависть самым губастым негритянкам.

– Вот мы и встретились, Глина! Гранитом тебя назвали по ошибке, тебе больше подходит имя Глина, ты – размазня. Спрошу тебя всего один раз, если не ответишь – будешь гореть на костре. Но не так, как вы сжигали моих сторонников. Тебя будут жечь и лечить, чтобы, как только поправишься, снова пошел на костер. И будет это продолжаться до тех пор, пока ты не отречешься от своей веры и не расскажешь всё. Тебе выбирать, Глина.

Гранит стоял, запрокинув голову, чтобы видеть меня уголком незакрывшегося правого глаза. Налив себе воды, выпил причмокивая, замечая, как судорожно сглотнул Гранит.

– Что будет, если расскажу всё? – пленник сглотнул снова, услышав журчанье воды в кубке.

– Дам тебе напиток и дарую легкую смерть в Берлине.

– Почему в Берлине? – Гранит облизнул распухшие губы с запекшейся кровью.

– У тебя плохая память, Глина. Ты оскорбил мою женщину в Будилихе, а я пообещал ей, что повешу тебя вниз головой.

Молчание продлилось минуты две – было слышно, как снаружи смеясь переговаривается моя охрана.

– Я умру с Верой в Господа, но ты не заставишь меня просить прощение, – выдавил из себя Гранит, еле удерживаясь на ногах.

– Богдан, уведи его, пусть посидит ещё три дня без воды. А потом начните его сжигать, но не до смерти. Мне он не нужен; да и не знает он ничего, чтобы даровать ему жизнь, – я даже отвернулся от Гранита. Это испытанный прием – уже смирившийся с мыслью со смертью человек испытывает необычайно сильное желание жить, уловив или увидев возможность сохранить жизнь.

– Пошли, – Богдан грубо дернул пленника.

Ударившись об Лутова, Гранит завалился на пол и, не успев подняться, обратился ко мне:

– А если я знаю то, что очень важно тебе, сохранишь мне жизнь?

– Уведи его, Богдан, Глина просто торгуется, ничего он не знает,—проигнорировал я вопрос Гранита.

– Вставай, тварь,— могучая рука подняла пленника на ноги,— пошли, тебя заждалась солонина Дойчей.

– Дитрих не придет с войском сюда,— отчаянно упираясь, сделал попытку привлечь мое внимание Гранит, не обращая внимания на тумачи Богдана.

– Я знаю,— равнодушно ответил пленнику,— он должен был появиться здесь ещё дней десять назад.

– Но не знаешь, почему он не придет,— уже из прихожей предпринял попытку купить себе жизнь сатанист.

– Богдан, верни его,— успел крикнуть, прежде чем оба вышли из дома.

– Говори, но ты пожалеешь, если решил просто торговаться со мной,— не выдавая волнения, напряженно ждал ответа.

– Дитрих мертв, некий Ганс Мольтке восстал против него и сверг его,— Гранит практически висел на Богдане.

Налив кубок воды, протянул Богдану, чтобы напоил пленника. Первые три кубка тот осушил залпом, пока я его не остановил:

– Больше нельзя, ты можешь умереть.

– Я умру в любом случае,— прохрипел Гранит.

– Посмотрим, может, Ната будет милостивее меня, всё зависит от твоей информации и ее настроения. Она ждет ребенка, в таком положении от женщины можно ожидать чего угодно. Так ты говоришь, что Ганс Мольтке сверг и убил Дитриха?

– Ганс поднял против него восстание, Дитрих отчаянно защищался в дворце, но погиб.

– И что, Ганс? Какие у него планы насчет войны с Русами? Действует ли ваша договоренность о нападении на Берлин с двух сторон?

– Ты знал? – изумился Гранит, немного окрепший после выпитой воды.

– Я Макс Са, мне помогают Высшие Силы,— усмехнулся на растерянный вид сатаниста.— Кстати, куда бы ты пошел, если бы я тебе даровал жизнь?

– В Будилиху, это мой дом,— негромко ответил Гранит, повторно попросив воды.

– Нет у тебя дома. Сгорела твоя Будилиха, женщины достались Сан-Техе, а сам город перешел к изгнанникам, коим я и даровал это гнездо скверны.

– Сгорела... дикие... изгнанники,— растерянно повторил Гранит.

Налив полный кубок ячменки, протянул сатанисту:

– Выпей ячменки, тебе она сейчас нужнее воды, помяни свою Будилиху.

Дрожащей рукой Гранит взял кубок и опрокинул его в рот, уткнувшись в свой окровавленный рукав. Выдохнув, глубоко втянул в себя воздух, растерянно повторяя наименование своего городка.

– Гранит, больше тебя не будут бить – тебя будут кормить и поить. Ты поедешь со мной в Берлин. Если сможешь вымолить прощение у Наты, я отпущу тебя. Хватит крови русского человека. Пойми это Никон, я дал бы ему умереть в своей постели. Но он выбрал войну, будет ему война до последнего «христовера». Что касается тебя,— ты – пешка, ты исполнитель чужой воли, зла я на тебя не держу. Богдан, отведи его в темницу, пусть местный лекарь осмотрит его раны. И пусть сходит кто-нибудь за Илсом, пора отправлять его в путь.

Гранит стоял, уже покачиваясь – крепкая ячменка на голодный желудок быстро дала о себе знать.

– Пошли,— потянул его за рукав Богдан.

В дверном проеме Гранит обернулся:

– Я сказал тебе не всё – после смерти Дитриха против Ганса ополчились многие. Ему пришлось бежать с отрядом верных ему людей, племянники Дитриха осаждают городок в двух днях пути отсюда, где Ганс укрылся со своими людьми.

– Ублюдок, – вскочил я с места, – это же самое важное! Как давно городок осаждают?

– С позавчерашнего утра!

– Богдан, – взревел я, оглядываясь в поисках своей катаны. – Быстро его в темницу, к врачу. Играй общий сбор! Пусть сюда летят Шрам и Гуран!

Прошло не больше часа, когда вся кавалерия Мехика прошла ворота Стены, покидая город. Следом шел отряд арбалетчиков и лучников, оставив в городе всего сорок воинов – спешил на помощь Гансу Мольтке.

* * *

Мольтке с тревогой всматривался горящие костры лагеря преследователей. Всё начиналось так хорошо: ему удалось склонить на свою сторону часть воинов, они штурмом взяли королевский дворец. Освобожденные из темницы Гросс, Хельмут и Берт с соблюдением всех необходимых церемоний возвели его на трон. Но недолго удалось Гансу пробить королем: его предложение установить мирные отношения с Русами встретило яростное сопротивление со стороны Лейбница, занимавшего пост военного министра. Мольтке допустил ошибку, не казнив наглеца, и тому понадобилось всего три недели, чтобы перетянуть на свою сторону большинство Королевского Совета.

На очередном Совете Лейбниц восстал открыто: в зал ворвались воины для убийства нового короля. Только отчаянная смелость и горстка надежных людей из охраны позволили Гансу уйти из дворца живым. Но заговорщики успели склонить на свою сторону большинство воинов – Ганса поддержала только кавалерия. Две сотни отчаянных храбрецов не могут противостоять двум тысячам пеших воинов. Теряя бойцов, Гансу пришлось покинуть город, чтобы спасти свою жизнь и жизни охранников. Их преследовали, как кабана на загонной охоте. Огрызаясь, они наносили колющие удары врагу, но силы были неравны.

И тогда Мольтке принял единственно верное решение – уйти со своими людьми к императору Русов, чтобы с его помощью вернуть свой трон.

Они успели дойти до пограничного Штатенгартена, где Мольтке решил дать воинам отдых. В этом заключалась его вторая ошибка – за ночь преследователи смогли их настигнуть, и теперь попытка покинуть город была обречена на провал. Преследователей возглавлял Михел, двоюродный племянник покойного Дитриха – не отличавшийся умом, но крайне жестокий человек.

Первый день прошел без штурма – Ганс со сторожевой башни наблюдал, как напротив двух городских ворот воины Михела устанавливали непроходимые преграды из срубленных деревьев. К концу первого дня в город пришли парламентареры, предлагая сдаться. Всем, кроме Ганса, гарантировалась жизнь с обязательным служением на северных заставах.

Все сто двадцать всадников Мольтке отвергли предложение о сдаче в плен. Первая атака на город последовала сразу после ухода парламентарёров. Стены Штатенгартена – всего около трех метров в высоту, но на ней были частые башенки, позволявшие стрелять во врага. Атаку отбили без труда, несмотря на превосходящие силы противника. На следующее утро Ганс с башни видел Руса – того самого, что всё время был гостем Дитриха. Пользуясь тем, что осаждающие заняты крепостью, Рус с лошастью исчез в кустах. Обрато он не явился, а последовавшая вскоре атака заслонила мысли о странном поведении Руса.

И вторую атаку им удалось отбить, правда, десять воинов Мольтке были убиты. Михел понес куда большие потери, но в его распоряжении находились почти семь сотен пехотинцев. У Ганса оставались его кавалеристы и гарнизон Штатенгартена, присягнувший ему на верность и являвшийся частью его наследного лянда. Из захваченных пленных, что успели вскарабкаться

на стену, Ганс узнал, что Михел послал отряд в Регенсбург за небольшими пушками. Понимая, что с прибытием пушек его положение станет безнадежным, они предприняли ночную вылазку, успев истребить один отряд у южных ворот. Но баррикады, воздвигнутые из срубленных деревьев, не дали им прорваться на открытую местность. И Ганс вынужденно отступил обратно в город.

Миновал третий день осады. Занималось утро четвертого дня – по расчетам Ганса, уже завтра могут прибыть пушки. Самое позднее – пушки появятся у стен Штатенгартена послезавтра. С началом обстрела стены и ворота не выдержат, а хлынувшая в пролом орда пеших воинов Михела задавит их своим количеством. Его мысли вернулись к Лейбницу – как не усмотрел вызова своей власти в словах строптивного министра?.. Обезглавь он его тогда, не пришлось бы спасаться бегством, теряя верных воинов.

– Ганс, тебе надо отдохнуть.

Штеф, комендант Штатенгартена, приходился ему двоюродным братом по материнской линии. Под его началом – десять кавалеристов и тридцать лучников, часть которых уже полегла в неравной схватке.

– Штеф, мне нужен человек, знающий язык Русов, – вместо ответа обратился к нему Ганс.

– У нас таких нет, может, среди дикарей, что торговали с Русами, найдется. Но до них день пути на запад; после той бойни они ушли с юга на запад.

– Пошли к ним воина ночью, если к нам не придет помощь с того городка Русов, мы все здесь умрем, – мрачно констатировал Ганс.

– Ганс, а ты уверен, что Русы придут? Им это зачем, ведь мы враги.

– Придут, если дикарь назовет мое имя императору. Я чувствую, что он в том городе за крепкой стеной, я словно слышу его.

– Я пошлю человека ночью, но ты должен отдохнуть. Сам слышал, что сказали пленные – Михел не будет больше атаковать, пока не придут пушки.

День прошел спокойно, изредка лучники с обеих сторон вступали в бесполезную перестрелку, пока Штеф не запретил тратить стрелы. Последняя надежда на помощь извне пропала, когда утром Штеф и Ганс увидели насаженной на кол голову воина, посланного к дикарям. А ближе к обеду с северо-западной стороны равнины показался небольшой отряд всадников Михела, возвращающийся с пушками.

– Вот теперь – всё... – констатировал Ганс, наблюдая, как неприятель устанавливает пушки напротив стен городка.

– Тогда умрем, как подобает воинам, – улыбнулся Штеф, – предупрежу наших воинов, что сегодня – славный день для смерти.

Племянник покойного Дитриха не стал ждать нового дня, чтобы начать обстрел. Спустя всего час после прибытия четыре небольшие пушки открыли огонь по стене города с западной стороны. Понадобилось около двадцати выстрелов, чтобы часть укрепления обвалилась: успех воины Михела встретили громкими криками.

– Приготовиться к атаке! – отдал приказ Ганс, покидая башню и спускаясь во двор. – Мы дорого продадим свои жизни.

Громкое «hurra!» на пару мгновений даже заглушило пушечную пальбу и крики воинов Михела снаружи городской стены. «Макс Са, где же Ты?..» – мысленно взмолился Ганс, бросая копье в первого воина Михела, показавшегося в проходе рухнувшей стены.

Глава 7. Император выше короля

Бросаясь на помощь Гансу Мольтке, я прежде всего руководствовался здравым смыслом: приход к власти другого короля Дойчей грозил возобновлением войны. Если мы не опоздаем и сумеем помочь Гансу, есть шанс, что у меня появится союзник на севере, готовый помочь против Никона.

От Мехика до Штатенгартена было порядка ста пятидесяти километров: лошадей загонять не хотелось, но и опоздать боялся. К ночи первого дня конница оторвалась от пехоты на шесть часов. Измученная скоростью передвижения, пехота на привале появилась лишь глубокой ночью. Если выдерживать темп пеших воинов, сомневаюсь, что успеем помочь осажденному Гансу.

– Шрам, веди пехоту с максимальной скоростью, а я с конницей поскачу вперед, чтобы не опоздать.

Пришпорив коня, пустил его галопом, пока впереди лежала ровная равнина. Наше преимущество заключалось в том, что кони не были утяжелены броней: в Средние века даже крестоносцы умудрялись проходить до ста километров в день. На гребень склона, откуда открывался вид на лежащий внизу Штатенгартен, взлетел ближе к вечеру, через пару часов наступят сумерки. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть большое скопление войск, осаждающих город. Прозвучало несколько пушечных выстрелов, и черная масса воинов заколыхалась, направляясь прямо к городской стене.

Разгоряченные скачкой жеребцы гарцевали на месте, оставшие всадники поочередно вылетали на гребень, осаживая лошадей. Моя сотня казалась каплей в море черного пятна, растекающегося вокруг стен городка. Атаковать сотней всадников огромное войско – чистое безумие, но если ждать пехоту, город успеют взять, а всех его защитников – перебить.

Недалеко от основной массы вражеских воинов на пригорке у леса был разбит шатер, рядом с которым находились около двадцати воинов. "Ставка неприятеля", – мелькнуло в голове, а в следующую секунду я принял решение:

– Атакуем шатер! – Если все сделать быстро, пешие воины не успеют прийти на помощь своему полководцу.

Выхватывая из ножен катану, пустил жеребца галопом. Если удастся захватить ставку, обезглавленное войско станет неуправляемым, пропадет мотивация к бою. Многие битвы в истории были проиграны по причине смерти полководца или короля. Гуран вырвался вперед: он несся, привстав на стременах, вращая меч над головой. Сцена напоминала фильмы про атаку казаков – казачьей лавой – во время Гражданской войны.

Воины у шатра нас заметили: там началась суета, всадники вскочили на лошадей, намереваясь встретить лавину моей сотни. "Только бы не сбежал", – крутилась мысль в голове, пока расстояние стремительно сокращалось. Полководец, осаждавший Штатенгартен, умом не отличался – вместо того чтобы отступить к стенам города, где на штурм лезли его воины, он помчался навстречу нашей лаве. Порядка двух десятков немецких всадников с блестящими в лучах заходящего солнца латами неслись вперед узким клином.

Я успел увидеть, как Гуран пригнулся и пропустил удар меча над головой, нанося ответный удар. В следующую секунду мой жеребец сшибся с жеребцом рослого мужчины, на его плечах красовалась мантия с изображением орла. Столкновение коней было столь сильным, что я вылетел из седла, в ужасе ожидая ударов копыт по голове. Я постарался перевернуться в воздухе, чтобы удариться об землю не головой. Удалось. Упал и перекувыркнулся. Катана вылетела из руки: оглянувшись, увидел ее в траве в паре метров от себя. Основная масса моих всадников посшибала с лошадей Дойчей: бой разбился на мелкие группы. Мой соперник с

мантией также не удержался: он стоял на четвереньках, мотая головой, пытаясь прийти в себя после сотрясения мозга.

– Макс Са! – появившийся из ниоткуда Богдан помог мне встать на ноги.

За те мгновения, пока я вставал на ноги и поднимал катану, с немецкой конницей покончили. Около десятка всадников безжизненно валялись на земле, оставшиеся оказались в плотной кольце и бросали оружие. Даже атака на город временно прекратилась: застывшие пешие воины пытались понять, что происходит на их глазах, не проявляя инициативы атаковать кавалерию.

– Хенде хох! – вспомнил фразу из немецких фильмов, предлагая сдаться мужчине с мантией, вставшему на ноги с мечом в руках.

– Duell, – взревел мой противник, срывая с плеч мантию и разорвав завязки.

– Да я тебя!.. – вскинулся Богдан, поднимая свой огромный топор.

– Богдан, стой! Он – мой, – успел остановить гиганта.

Поединки – очень интересное зрелище: всадники, обезоружив немцев, немного расступились. Оглянувшись на город, заметил, что на его стенах появились фигуры защитников: атакующие пехотинцы тоже замерли в предвкушении дуэли.

Мой противник не уступал мне в росте. Он снял с головы шлем и отшвырнул его в сторону, явив довольно молодое и белокожее лицо. Только глаза у этого мальчишки горели лютой ненавистью, прожигая во мне дыру. Вооружен немец был большим двуручным мечом – анахронизмом, доказавшим свою неэффективность. Римляне, к примеру, никогда не использовали большие мечи, отдавая предпочтение коротким. А они-то толк в сражениях холодным оружием знали.

– Schwein! – выкрикнул с ненавистью Дойч, бросаясь мне навстречу и занося для удара меч над головой.

Если бы на моем месте стоял чурбан, который требовалось расколоть, тактика немца пришлась бы кстати. Я ушел от его неуклюжего удара, полоснув катаной по животу. Клинок, бессильный против латного доспеха, отозвался противным металлическим скрежетом. Доспехи у немца – знатные, продуманные: нарукавники, наплечники и защита ног. После третьей попытки его достать почувствовал, как начинаю уставать. Безумная скачка и падение давали о себе знать. «Подрежь ему ноги сзади», – подсказал внутренний голос. Удачно ушел от очередного размашистого удара, Дойч начал психовать, не понимая моего стиля боя. Тогда резанул его по правой ноге – по задней поверхности голени.

Трава мгновенно окрасилась в красный цвет, а сам Дойч, взревев, припал на здоровую ногу.

– Хенде хох! – повторил свое требование противнику.

На этом мое знание немецкого заканчивалось. Не знаю, каким чудом удалось увернуться от брошенного ножа: солнечные блики даже резанули по глазам, а кожа левой щеки почувствовала дуновение.

– Ах ты мразь! – ударив с оттяжкой по конечности, увидел, как бессильно повисла правая рука немца, все ещё припадавшего на здоровую ногу. Левую руку обездвижил так же, видя, как в серых глазах противника заплескался страх.

Немец понял, что проиграл – в его глазах появилась покорность судьбе. Он встал на второе колено и наклонил голову, обнажая шею. Мелькнула мысль, что не перерубить с первого раза будет плохим примером для воинов. Вложившись в удар, опустил клинок под небольшим углом: голова откатилась, а обезглавленное тело упало ничком.

Подхватив голову врага за волосы, поднял ее на вытянутой руке: мои воины встретили этот жест громкими криками.

– А теперь нам придется атаковать врагов, Богдан!

Бросив голову поверженного врага, вскочил на своего жеребца, подведенного мне воином. Но сражаться не пришлось: со стен крепости к осаждающим воинам обратился человек. Выслушав его, воины из вражеской армии стали вкладывать мечи в ножны, становясь на колени.

– Похоже, Ганс – снова король, – весело констатировал Гуран, перемазанный чужой кровью.

– Строй держать! Оружие не убирать! Быть готовым к бою! – отдал команду, трогаясь с места. Из пролома в стене показался рослый воин – Мольтке, теперь я уже не сомневался в этом. Воины, ещё недавно штурмовавшие крепость, расступались перед ним, становясь на колени. Приблизившись к коленапреклоненному войску, я остановился. Мольтке, дойдя до моей лошади, за пару метров преклонил колени.

Соскочив с лошади, дотронулся до головы парня:

– Встань Ганс, ты – король.

– Император выше короля, – последовал ответ на русском, но Ганс поднялся. Месячное общение с Илсом во время пребывания последнего в Регенсбурге не прошло даром: Ганс бегло говорил на русском с ужасным немецким акцентом.

Спросив его, как будет по-немецки король, поднял его руку и громко прокричал:

– Король Ганс Первый!

– Король Ганс Первый! – хором отозвались воины Дойчей, поднимаясь с колен.

Отрубленная голова их предводителя лежала недалеко, часть всадников мертва, остальные сдались. Не за кого было проливать кровь, и воины Дойчей приняли правильное решение – сохранить свою жизнь для службы новому королю.

– Гуран, скажи нашим людям, чтобы не задирали Дойчей, мы больше не враги. Мне надо поговорить с Гансом, пусть люди будут настороже, но без ссор.

Общались мы в доме коменданта Штатенгартена Штефа, оказавшегося близким родственником Ганса. Уже в сумерках показалась пехота, ведомая Шрамом: теперь соотношение Русов и Дойчей было примерно одинаково. По поводу дружбы между королем Гансом и императором Максом Са в Штатенгартене объявили братание и всеобщую гулянку: горожане извлекли все свои запасы пива, местные женщины удостаивались внимания десятков мужчин, к большому сожалению их мужей и братьев. Но такова жизнь в военное время – когда в город входит армия, многие мужья начинают чесать головы на предмет роста рогов. Богдан, Гуран и Шрам не выпускали меня из поля зрения – даже красивую девушку, присланную Штефом скрасить мою ночь, предварительно обыскали.

Утром проснулся с головной болью: пиво Дойчей не сильно отличалось по крепости от нашей ячменки. Вчера мы договорились с Гансом о взаимопомощи и обмене знаниями. Проклятые «христоверы», эти религиозные фанатики, затормозили весь прогресс в империи Русов, оставив мой народ в застое. У Дойчей развитие получилось куда лучше: развивались технологии – подзорные трубы, инструменты, орудия труда...

Спросонья не сразу разобрал, что голая девушка под одной шкурой со мной – не Ната. Проснувшаяся красивая и розовощекая девица довольно улыбалась, произнося непонятные мне слова. Подробности ночи с ней полностью вылетели из моей головы.

– Тебе пора идти, – показал на дверь. Вспомнив второе слово по-немецки, добавил: – Шнелле!

Испуганная девица выскочила из-под шкуры, явив на обозрение стройную гибкую фигуру. Нырнула в свое платье, она взялась за ручку двери. Мне стало ее жаль, женщинам в каменном веке редко достается человеческое отношение. Притянув девушку к себе, поцеловал ее и шуточно шлепнул по упругой попе:

– А теперь беги.

– Майн херц! – приложила девушка руку к груди и, кокетливо улыбнувшись, выскользнула наружу.

Богдан, дремавший снаружи комнаты, вскочил при моем появлении:

– Пусть позовут Ганса, нам пора домой.

Выйдя во двор под неусыпным оком двоих Русов, умылся из бадьи: в Штатенгартене вырыто несколько колодцев.

Завтрак с Гансом немного затянулся: мы договорились, что он пришлет сотню воинов в Мехик, а я ему в Регенсбург отправлю порядка двадцати мастеровых, чтобы овладели теми технологиями, с которыми у нас оставались проблемы.

– Макс Са, я твой... – Ганс запнулся, не находя нужного слова.

– Друг, – подсказал парню.

– Друг, – повторил Ганс, затем, просияв, добавил: – твой воин.

– Ганс, этот мир очень большой, нашим народам хватит места на тысячи лет. Мир всегда лучше войны.

Расставались мы тепло: Гансу ещё предстояло вернуться и решить вопрос с врагами в Регенсбурге, а у меня теперь оказались развязаны руки для войны с Никоном и его кодлой. Вместе со мной в Мехик шла сотня Дойчей – Ганс не стал надолго откладывать наш план, решив его реализовать сразу. На мои слова, что воины ему понадобятся, пока не решит вопросы с Регенсбургом, Ганс отмахнулся:

– Надо казнить Лейбница. В городе не больше сотни воинов, справлюсь.

В моей пехоте было несколько человек из числа пленных Дойчей, которым я дал свободу и выбор. Они стали главными переводчиками между Дойчами и Русами, но слово «хорошо», произносимое Дойчами как «карашо», усвоила уже вся сотня воинов Ганса, идущих с нами. Поручив Шраму приглядывать за новыми воинами, чтобы их не обижали, перевел всадников на рысь, чтобы быстрее прибыть в Мехик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.